

Иван Державин

Когда?

Я его знаю

Иван Державин
Когда? Я его знаю

«Издательские решения»

Державин И.

Когда? Я его знаю / И. Державин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749156-7

Повесть «Когда?» — третья книга хроники постсоветских времен «В круге втором» и продолжение повести «Кто я?». Покончив с бандитизмом в Лесках, Верхов становится мэром города. Но борьба лишь ужесточилась, на этот раз с олигархами. В их числе оказался самый могущественный в стране олигарх Нагорный. Верхова вызывают в администрацию президента, после чего он и его телохранитель исчезают. Название «Когда?» подразумевает вопрос, когда в России появится такой президент, как Константин Верхов.

ISBN 978-5-44-749156-7

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Только так и не иначе	6
Глава вторая. Сквозь тернии	34
Глава третья. Над Лесками сгущаются тучи	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Когда?
Я его знаю
Иван Васильевич Державин**

*Эта страна должна испытать
горькую чашу до самого дна.*

Е. Ясин

© Иван Васильевич Державин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Только так и не иначе

Справедливое возмездие

Происшедшую в Лесках трагедию я восприняла как личную. Еще не зная ее детали, я была уверена, что это был, безусловно, террористический акт, совершенный одной из недобитых Стрыкиным багдитских формирований с целью смены в городе руководства и последующего захвата власти.

В Лески я отправилась, чтобы заклеить позором подлых убийц и почтить память о погибших героях на их похоронах. Выехать туда я смогла лишь на третий день. Я ожидала окунуться в атмосферу траура и растерянности, а попала чуть ли не на всенародный праздник. Трагедию, взволновавшую всю страну, сами лесковцы называли не иначе как «справедливым возмездием», и волновали их предстоящие похороны не отцов города, а молодого парня Коли, разоблачившего преступную банду, в которую входили все сгоревшие в сауне высокопоставленные чиновники. Говорили много и с симпатией об их убийце – восьмидесятилетнем старике и выражали надежду, что сам он не погиб, а чудом спасся.

А еще на слуху у всех была разоблачительная кассета, из-за которой убили Колю. Вся свободная пресса эту кассету проигнорировала, объявив ее гнусной подделкой. Мне ее дал прослушать корреспондент местного радиоузла Игорь Юрьев, который в тот вечер первым был на пожар, а на следующий день присутствовал на пресс-конференции, на которой кассета была озвучена для директоров фирм, пользовавшихся услугами бюро «Щит и меч» Стрыкина. Представляю, в каком шоке они были, услышав показания некоего гипнотизера Умряева, утверждавшего, что он готовил киллеров – зомби, убивавших по приказу Стрыкина.

Все это для меня, не раз писавшей хвалебные оды Стрыкину и его охранному бюро, казалось дурным сном, но я безоговорочно поверила услышанному на кассете. О том, что установленные в Лесках охранным бюро «Щит и меч» спокойствие и порядок, были, мягко говоря, показными, мне доводилось слышать не раз, но говорили об этом шепотом, как сплетню, не лишнюю зависти к более удачливому человеку, и я не придавала этим слухам значения. Сейчас я виню себя за это. Больше я слушала руководителей города, которые не могли нахвалиться Стрыкиным. А ведь я прекрасно знала, что существует огромная пропасть между мнением народа и правящей верхушки о жизни, тех или иных событиях и руководителях. Знала и все равно попала, как последняя мышь, в ловушку.

Тем ответственнее стояла передо мной задача. Я была обязана реабилитировать себя перед читателями за ложь о Стрыкине.

В этом бандите, как в зеркале, отразилась судьба многих молодых людей, попавших в жернова установленной в России капиталистической системы.

Сын председателя процветающего в советские времена колхоза «Красные зори», расположенного в соседнем с Лесками районе, Артур Стрыкин с детства привык выделяться, чему способствовала его артистическая внешность: высокий, стройный, худощавое смуглое лицо с большими темными и томными глазами и изворотливый ум. После окончания Московской сельскохозяйственной академии он попытался осесть в столице, поступив в аспирантуру, однако понял, что без больших связей ему там мало что светило, поэтому решил оставаться первым парнем на деревне. Дома он быстро стал продвигаться по служебной и партийной лестницам, добравшись до должности главного агронома района и зама секретаря райкома комсомола. И тут все обрушилось. После развала колхоза отец ударился в запой, мать, погуливая от него и раньше, ушла к другому. Стрыкин, став в раз никем и потеряв все, включая немалые деньги, тоже вначале впал в прострацию, но вскоре сообразил, что наступило золотое время для воров и бандитов. Свой первый взор он обратил на людей в иномарках. «Надо делиться»

стало его девизом, превратившимся в жизненное кредо. Как правило, деньги тех, кого он заставлял делиться с ним, были ворованными, и они отдавали их без обращения в милицию, а те, кто отказывался, теряли либо все богатство, либо голову. Первых, то есть делившихся, было большинство, тем более что поначалу запрашивал Стрыкин по советским меркам: всего десять процентов. Даже с учетом жульничества клиентов в отношении размера их богатства, получал он прилично, но времена менялись, а с ними и аппетит Стрыкина. Наряду с косто-ломами он привлек к делу бывшего бухгалтера отца Загудаева, в задачу которого вменялось выяснение финансового положения клиентов. Однако таковых в их и соседних районах было не так много, и он расширил бизнес за счет грабежей транзитных фур и кражи иномарок. Но погорел он на торговле оружием, имевшим отношение к громким убийствам. Стрыкин подкупил судью Горшкова, и получил всего лишь четыре года. Отсидел он и того меньше, три года и один месяц.

В тюрьме Стрыкин продолжал следить за событиями в стране, развивавшимися в благоприятном, по его мнению, направлении, и строить новые бандитские планы, особенно после того, как познакомился с Умряевым и узнал, что тот гипнотизер. Чтобы привязать его к себе основательно, он распространил слух, что Умряев сидит за развращение малолеток, и когда сокамерники решили его «опетушить», спас его. Умряев признался ему, что вынашивает идею воздействия на мозг человека. Обрадованный Стрыкин пристроил его в радиорубку лагеря, где Умряев провел опыт над заключенным, проигравшим себя в карты Стрыкину. Гипнотизер внушил тому убийство указанного Стрыкиным заключенного и тут же покончить с собой, что тот и сделал. Правда, сам он умер не сразу, и следователь успел его допросить. Причиной убийства заключенного и попыткой покончить с собой он назвал указание ему сверху, как внушил Умряев. Посчитав заключенного невменяемым, следователь закрыл дело. Этот опыт натолкнул Стрыкина на мысль о создании на свободе бригады зомбированных киллеров и рабочих. Умряев назвал, что ему для этого потребуется. Освободившийся раньше Стрыкин осел в Лесках, где построил на месте заброшенной колхозной кроликофермы многоэтажный вверх и вниз производственный корпус с лабораторией и квартирой для Умряева.

Вышел Умряев в разгар выборной кампании в Лесках на пост мэра и в гордому. Ожидавший его с нетерпением Стрыкин сходу дал ему задание снять с кампании двоих кандидатов, но так, чтобы комар носа не подточил, а главное, без убийства. Умряев блестяще справился с поставленной задачей: кандидат в мэры был опорочен двумя проститутками и с треском провалился, а кандидат в думу сам снял свою кандидатуру в пользу ставленника Стрыкина, сказав, что у того лучше программа. Против первого кандидата сработало то, что проститутки бесследно исчезли накануне выборов, и ему приписывали их убийство. А второй кандидат позднее не смог объяснить мотивы своего поступка. Однако основной претендент на должность спикера оказался абсолютно не поддававшимся гипнозу, и его пришлось убрать. Подготовленный Умряевым киллер, сделав свое дело, сообщил многочисленным свидетелям, что отомстил за свою опороченную жену, после чего публично застрелился. Дело даже не было открыто.

Как показал Умряев, в список жертв его смертоносной бригады вошли также вице-губернатор области, известный московский банкир и главный редактора областной газеты «Правда о России». Перечисление списка всех жертв заняло бы немало места и времени. Особенно много было там директоров различных коммерческих структур, отказывавшихся сотрудничать со Стрыкиным. Из них назову лишь директора Лесковского станкозавода Краснова, мужа двоюродной сестры вышеупомянутого убитого парня Коли.

Подготовка киллеров – зомби была поставлена на поток, тем более что от заказчиков не было отбоя. Живой материал для Умряева поставлялся через военкома Лесков Коблева, до сих пор скрывающегося от правосудия, а похищала жертвы боевая группа, возглавляе-

мая владельцем ряда физкультурно – оздоровительных и развлекательных учреждений Лесков Мазурой.

Схема была предельно проста: боевики Мазуры под видом бандитских группировок предлагали выбранной жертве свою крышу, требуя от нее практически весь доход от бизнеса, размер которого они узнавали от Загудаева, и отпускали на раздумывание срок. Жертва обращалась за защитой к Стрыкину, тот назначал цену в два раза ниже. Обрадованный директор заключал с бюро «Щит и меч» контракт, а через какое-то время Стрыкин повышал цену. Если директор роптал, бюро разрывало с ним договор, после чего к нему опять навевались боевики Мазуры, возможно, под видом другой банды. Директор окончательно впадал в кабалу бюро. С теми, кто решался защищать себя сам, жестоко расправлялись. Так были убиты вышеупомянутый Краснов и директора местных мясо – молочного и вино – водочного заводов. Эти убийства Стрыкин использовал как свою рекламу: «Заключили бы со мной договор – остались бы живы».

Для широкой же общественности отношения между Мазурой и Стрыкиным были, если не враждебными, то сильно натянутыми якобы из-за того, что Мазура отказывался от услуг охранного бюро, довольствуясь своими силами.

Помимо убийств, запланированных Стрыкиным с целью установления фактической власти над руководством и бизнесом Лесков, бригада киллеров—зомби занималась выполнением заказных убийств. Однако они же доставили первые неприятности. Один из заказчиков стал тянуть с платежом и попытался шантажировать. Его пришлось убрать и впредь быть осторожнее, ибо пропорционально числу заказчиков возрастал риск подобных случаев и раскрытия тщательно законспирированной деятельности Умряева. От греха подальше Стрыкин приказал избавиться от большинства заказчиков, а после создания охранного бюро стал использовать киллеров Умряева только для своих нужд. У него всегда было немало на примете, кого надо было убрать.

И тут неожиданно-негаданно произошла осечка с киллером под номером 13, у которого обнаружился отрицательный синдром на убийство, отчего он провалил два задания. Для Умряева, уверенного в своей беспредельной власти над клиентами, это был ощутимый удар. Ему удалось уговорить Стрыкина не убивать 13-го, а выпустить на волю и навесить на него как можно больше убийств, совершенных загримированным под него киллером.

– Сама сегодняшняя жизнь заставит его убивать, чтобы выжить. Он сам придет к нам.

– Ты твердо уверен, что к нему не вернется память? – спросил недоверчиво Стрыкин, прокручивая в голове, кого под эту лавочку можно убрать.

– Не вернется с гарантией. Я все коды сразу уничтожаю.

Уже успевший набрать десяток кандидатов на тот свет Стрыкин согласился.

Усыпленного и запрограммированного 13-го бросили ночью в лесу недалеко от дома приговоренного к смерти лесника. К нему 13-й и вышел, очнувшись под утро. Там его приютили и накормили. Во время разговора выяснилось, что он ничего не помнил о себе и о происшедших в стране изменениях, зато хорошо помнил советские годы. Жена лесника и навесившая их беременная дочь Катя пообещали ему отвезти к известному доктору нетрадиционных методов лечения Невского и отыскать родных.

Лесника с женой убили в тот же день. Проснувшийся от выстрелов 13-й успел увидеть своего двойника-убийцу и рассказал о нем прибывшей милиции. Но она объявила его убийцей, схваченным на месте преступления. Он бежал из отделения, не зная, что по его следам двойник убил еще двух милиционеров. Он был объявлен в розыск. Ему удалось выйти на док-

тора Невского, но тот не смог вернуть ему память, зато свел с Катей и ее двоюродным братом Колей. При них доктор проверил его на правдивость.

13-й и Коля тут же приступили к поискам двойника и гипнотизера. К ним присоединился друг лесника старик Иван Спиридонович.

Я не стану описывать, как им удалось отыскать умело законспирированное бандитское логово, проникнуть в него, преодолев многочисленную охрану, схватить гипнотизера и заставить его дать разоблачительные показания, а также освободить более двухсот зомбированных рабов, в том числе девять киллеров. Подобные детективные истории с погонями и стрельбой вам изрядно надоели. Скажу только, что все трое, как нельзя лучше, дополняли друг друга. Руководителем группы был, безусловно, Коля.

Я была на его похоронах. Ожидая увидеть богатыря типа Добрыни Никитыча или киноартиста Сидихина, я была поражена, увидев, судя по размеру гроба, невысокого хрупкого мальчика, у которого к тому же было больное сердце. Даже мертвый со старательно загримированными следами пыток на лице, он выглядел моложе своих двадцати двух лет и был необыкновенно красив. Я пыталась представить его живым, и у меня не хватило воображения. Частично его восполнила фотография, добавившая смысленные черные, как тушь, глаза и ослепительную улыбку. Но, ей-богу, не было в его лице и намека на отчаянную храбрость.

Физическую слабость Коли восполнил 13-й. Его родных отыскала по интернету Катя. Он оказался Верховым Константином. Коля свозил его к родным. 13-й их не вспомнил. Как не вспомнил и меня, знавшую его в семнадцатилетнем возрасте, когда он пережил личную трагедию. Она была настолько ужасна, что даже хорошо, что он ее сейчас не помнил. Уже тогда Костя поразил меня своим мужеством, столкнувшись впервые с бесчеловечностью зарождавшейся системы и ее порождения – «новых русских». Он смело вступил с ними в схватку. Их судьбу в чем-то продублировала банда Стрыкина, переросшая их на порядок Но и Костя, как я узнала, за это время успел повоевать снайпером в Чечне, что, собственно, и послужило причиной его похищения бандитами. Синдром неприятия убийства Умряев не принял во внимание, посчитав его пустяком для гипноза. И напрасно. Желание восстановить память и снять с себя навешанные на него убийства, а также страшная действительность, с которой Костя столкнулся, встречая на каждом шагу смерть, преодолели данный синдром. В кошмарном гипнозе Умряев не мог предположить, что, отпустив на свободу Тринадцатого, он подписал себе и всем остальным членам банды смертный приговор, хотя Коля и Костя, приступая к поиску убийц лесника и гипнотизера-оборотня, вовсе не имели в виду, что этот приговор окажется смертным. Они лишь хотели поймать убийц и предать их суду.

Согласитесь, что только люди с чистой пионерской совестью и наивностью могли верить, что суд над руководством города мог вынести справедливый приговор. Да при нашей продажности судей и адвокатов бандиты были бы не только оправданы, но и при помощи купленных СМИ превращены в героев, а Коля и Костя были бы осуждены и надолго посажены.

Зато хорошо это знал умудренный жизненным опытом Иван Спиридонович и взорвал сауну с бандитами и собой, как наверняка сделал бы это, не задумываясь, во время войны, если бы ему тогда представилась возможность отправить на тот свет вместе с собой десяток фашистских генералов.

Я не могу не сказать еще несколько слов об этом героическом старике.

Это он, бывший разведчик, выследил двойника, когда тот закладывал мину у вырытой могилы лесника, чтобы отправить на тот свет еще тридцать человек, приписав их Косте. Старик не только обезвредил мину, но и помог Косте захватить двойника. Когда Костя был вынужден скрываться от милиции, старик вместе с Колей поймал убийц врача Сушкова, выйдя через

них на убийц лесника и, в конечном счете, на гипнотизера. Бандиты объявили на него охоту. Отчаявшись поймать его, они выкрали беременную на восьмом месяце Катю и потребовали от Коли в обмен на нее живого или мертвого старика, пригрозив в противном случае прислать в пакете вырезанного из живота ребенка.

Сраженный горем Коля честно рассказал о требовании похитителей Ивану Спиридоновичу. Тот, не задумываясь, поехал к бандитам, обратил их в бегство и спас Катю. Будучи сам раненым, он внес на руках тяжело раненого Колю в операционное отделение больницы. Услышав, что операция Коли прошла успешно, обрадованные Катя, Колина невеста Оля и старик поехали к Коле домой за бельем ему. Там на них напали бандиты во главе с самим Мазурой и после безуспешных атак, во время которых потеряли несколько человек, вступили со стариком в переговоры, потребовав кассету в обмен на жизнь девушек. О кассете Иван Спиридонович слышал от Коли, но не знал, где она спрятана, да и не отдал бы ее. Чтобы выиграть время до приезда вызванной помощи, он выбросил в соседний двор кассету с песней, спрятал девушек в погреб и продолжил неравный бой, убив еще несколько бандитов. Они подожгли дом огнеметом. Обожженный старик сумел также спуститься в погреб. Там Катя родила. Когда их, задышавшихся от дыма, чудом спасли, Оля и Иван Спиридонович пошли к Коле обрадовать его с рождением племянницы. Там они узнали, что он исчез из реанимационного отделения вместе с кроватью, которую нашли пустой во дворе у помойки.

Старик попросил Олю отвезти его сначала на кладбище, где взял сумку с миной двойника, а затем – в лес недалеко от коттеджа Стрыкина. Оле он велел ехать домой и через час справиться в больнице о Коле. Догадавшись, что он хочет спасти Колю, она сказала, что будет ожидать его возвращения. На это старик возразил, что он сюда может не вернуться, но на похороны Коли постарается придти. Через час Оля позвонила в больницу и узнала, что Колю вернули в палату мертвым, а по радио услышала о пожаре в сауне Стрыкина.

Больше старика она не видела.

А рано утром ее уже допрашивал следователь Дьяченко как пособницу государственного преступника Ивана Спиридоновича, фамилию которого никто не знал

Когда старик не появился на Колиных похоронах, версия об убийстве им руководства Лесков стала основной, отодвинув на второй план террористический акт.

Хотя от этой версии сильно пахнет фантастикой, учитывая преклонный возраст Ивана Спиридоновича, я охотно ее поддерживаю, и, как лесковцы, также надеюсь, что старик жив. В любом случае для меня он герой, живой или мертвый. Подскажите другой способ борьбы с коррупцией, если в ней замешаны мэр, спикер, прокурор, судья и милиция – полный набор власти. Я другого способа не знаю.

Побывала я и на похоронах участников сауны. Там была совсем другая публика: богатая, сытая, озлобленная. Она требовала объявить бомжа Ивана Спиридоновича государственным преступником и сурово наказать его пособников. Их не называли, но это сделаю я. Это Коля, Костя, Катя и Оля.

Не знаю, как вы, а я свое твердое мнение о происшедших в Лесках событиях имею.

Нина Кузина

«Криминал»

25 сентября 1999г

Костины мысли по установлению контроля над властью в Лесках были реализованы практически полностью. На волне всеобщего возмущения преступной деятельностью бывшего руководства Лесков исполняющим обязанности мэра города своим распоряжением губернатор Центрграда Архипов назначил Хохлова. Тому удалось настоять на назначении Безусьяка

и Есакова исполняющими обязанности начальника РОВД и прокуратуры города до новых выборов мэра. Они состоялись в начале декабря. Основную конкуренцию Хохлову на них составил зам мэра Зимин. Но на стороне директора выступил Союз предпринимателей. Однако основным агитатором за него был Костя, получивший широкую известность как бескомпромиссный борец с бандитами и рэкетирами, не раз пытавшимися вернуть себе власть, утерянную с гибелью Стрыкина. Упускать такой лакомый кусок они не хотели и налетали на Лески, как мухи на тарелку с вареньем.

Поздравляя Костю в насмешку с первым рабочим днем, Безусяк имел в виду, что и последующие дни у него будут не легче. Он нисколько не ошибся.

Уже через неделю после Колиных похорон Костя попал в центроградскую больницу. К его чеченскому сквозному ранению в грудь добавилось такое же бандитское на три сантиметра ниже. Его подстерегли, когда он выходил из дома Оли, привезя ее от Кати, все еще лежавшей в больнице.

В покое его не оставляли. Очевидно, за каждым его шагом следили, если во второй раз его подкараулили в Бутурлиновке, куда он регулярно ездил навещать сына и отца. Его спас Женя, прикрыв собой. К счастью, и он остался живой.

Потом был взрыв под Колябердой, на котором Костя продолжал ездить. Машина и на этот раз спасла его. Её лишь подбросило на метр, она даже не опрокинулась, только на днище остались вмятины и царапины.

Затем была перестрелка на дороге, во время которой погиб красавец Андрей, направленный Кротовым к Диме и Жене на подкрепление. Костя получил тогда легкое ранение в ногу.

Но все попытки бандитов и чиновников установить контроль над Лесками оказались тщетными. Практически весь командный состав отделений бюро «Щит и меч» сразу перешел в подчинение Кротова. Учитывая, что Стрыкин устанавливал за услуги бюро разорительные для фирм и предприятий цены, Костя существенно их понизил, повысив при этом зарплату некоторым охранникам. Бюро стало действительно охранять, а не грабить охраняемые объекты. Все случаи поползновения чужаков на них сразу становились известны через Кротова Косте. А он пресекал их моментально и решительно, отбивая навсегда желание их повторения.

Став мэром, вместо себя Хохлов оставил директором Гиндина. Тот неплохо справлялся со своими обязанностями, и завод заметно расширил производство, как вдруг из Москвы приехали люди с документами, доказывавшими, что у завода теперь новый полновластный хозяин, некто Султанов, житель Элисты. Заводской юрист, просмотрев документы, вынужден был признать, что составлены они безукоризненно со всеми печатями и подписями, заверенными нотариусом, а главное, имелась запись в Мосрегистрации о праве Султанова на заводскую собственность. Было там и решение суда о якобы сфабрикованности и неправомерности передачи завода в собственность трудового коллектива. Суд посчитал, что подпись представителя министерства была поддельной, на самом деле владельцем контрольного пакета акций являлся все тот же Султанов, о чем якобы хорошо знал Павел, что подтверждалось письмом за его подписью.

Гиндин хотел привлечь к разговору с приезжими Хохлова, но они, приказав ему готовиться к сдаче дел или согласия на работу с новым руководством, спешно уехали.

Уже на следующий день Гиндин и юрист отправились в Москву, а Костя, Кротов и Саша – в Элисту. Последний раз Гиндин позвонил утром из гостиницы, после чего бесследно исчез вместе с юристом. А в Элисте Костя не разыскал не только Султанова, но даже улицы, на которой находился его офис.

Когда поиски Гиндина не дали результатов, Хохлов возложил на Костю обязанности мэра и поехал к губернатору с прошением об отставке.

Противиться своему новому назначению Костя не стал. Гонясь за бандитами по району, он с болью в сердце видел, как ускоренно исчезали деревни, и у него невольно возникали планы по их восстановлению. А для этого ему нужна была неограниченная власть. У Хохлова до деревни руки не доходили, его детищем была промышленность и, в первую очередь, станкозавод, на котором в основном держался город.

Вернулся Хохлов с подписанным прошением и указанием губернатора Косте немедленно к нему явиться. При этом Хохлов предупредил Костю, что его назначение полностью зависело от впечатления, которое он произведет.

– Он хотел назначить вместо меня Зимина, но я переубедил его. Рассказал, как ты расправился с бандитами. Его очень заинтересовали твои планы по восстановлению села и борьбе с бедностью. Напирай на это. Да, и обязательно постарайся понравиться его жене, если он тебя ей покажет. У меня сложилось впечатление, что такая спешка вызвана ее желанием взглянуть на человека без памяти. Иначе он бы встретился с тобой утром, а не в шесть вечера.

Губернатор Архипов Олег Гаврилович принял Костю в своем рабочем кабинете. Он был солидным человеком как внешне, так и в карьере. Высокий ширококостный, но не толстый, без лысины и седины, он выглядел моложе своих шестидесяти лет. Голову он держал прямо и имел напыщенное уверенное выражение все еще чисто по мужски красивого лица. Биография его была более чем внушительная: секретарь обкома партии, ставший после распада СССР демократом. Вся область не раз слышала от него, что в августе девяносто первого он находился вместе с Ельциным в Белом доме, чем заслужил от него чин вице-премьера в первом постсоветском российском правительстве. И хотя оно продержалось меньше года, этого срока Архипову хватило для защиты кандидатской диссертации в области уже капиталистической экономики, чтобы через полгода после падения правительства уехать экономическим советником в одну из дальних престижных стран, где тоже продержался недолго в силу полной некомпетентности и незнания иностранного языка. После этого в его биографии была двухгодичная пауза, связанная с переменой в личной жизни. Устроив ее, он всплыл на губернаторской должности от правой партии. После ее разгромного поражения на парламентских выборах Архипов ухитрился переметнуться в правящую, но такую же правую партию.

Короче, по понятиям Кости, губернатор был обычной политической проституткой, однако разговаривал с ним с охотой, каждый раз узнавая что-то новое для себя.

Они уже однажды встречались в Лесках, и Хохлов представлял Костю как своего зама. Губернатор тогда с интересом взглянул на него, но разговора у них не было.

На этот раз они проговорили около часа. Похвалив Костю за успешную борьбу с рэкетирами, Архипов поинтересовался его планами по возрождению села. Слушал он, засыпая попутно вопросами, ставившими Костю в тупик. Но сам же и отвечал на них. И вдруг поднялся и сказал:

– Ну что ж, как говорится, бог тебе в помощь. И я помогу, чем смогу. А сейчас поедем ко мне домой. Поужинаем, поговорим по душам.

Костя понял, что догадка Хохлова насчет жены губернатора оказалась верной. Ему и самому было интересно увидеть женщину, из-за которой губернатор бросил жену и двоих взрослых детей. Он слышал, что она была лет на двадцать моложе и имела хорошую фигуру, но то, что увидел, его фантазия никогда бы не придумала. Когда он вошел в гостиную, она стояла у накрытого стола боком. Заглядевшись на нее, он едва не налетел на шедшего впереди губернатора. По самодовольной улыбке того он понял, что именно такого эффекта от него они

ожидали, и уже открыто оглядел Эльвиру с головы до ног, а точнее с груди до зада, походивших на половинки мячей: спереди футбольного и сзади овального для игры в регби. А когда она повернулась и пошла им навстречу, Костя понял, что вид сбоку был всего лишь прелюдией. Казалось, на ней ничего не было, хотя она была в черных, обтянутых, как трико, брюках и в белой кофте со стоячим воротником. Живот у нее был плоский, как тахта, наводя сразу на грешные мысли. Овальные бедра почти под прямым углом – хоть ставь полный стакан – соединялись с казавшейся тонкой талией, а внизу плавно сопрягались с круглыми литыми ляжками, переходящими в полные стройные ноги.

Но центром внимания была полуголая грудь с одуряющей ложбинкой посередине.

Издали ее лицо казалось сплошной радужной маской, и Косте трудно было определить, насколько оно соответствовало фигуре. Его он рассмотрел уже за столом, сняв мысленно румяна. Особой привлекательности в нем он не увидел, если не считать глуповатого выражения, подходившего как нельзя лучше такому телу, при котором ум был лишним и лишь отвлекал.

Как и большинство привлекательных женщин, Эльвира была болтлива, чем Костя не преминул воспользоваться, чтобы их разговорить. Производить впечатление на женщин он не умел. Быстро сообразив, чем он мог привлечь Эльвиру, он разжалобил ее рассказом о своей горемычной судьбе и тут же засыпал их вопросами, как если бы очнулся в лесу этой ночью, адресованными в первую очередь губернатору. Прежде всего, его интересовало, как тот отнесся к распаду СССР.

– Это был не распад, а сознательное разрушение. То, что не смогли сделать Гитлер и Запад, сделали Горбачев и Ельцин, – сердито возразил Архипов.

Не ожидавший такого ответа от соратника Ельцина, обрадованный Костя потряс головой, не скрывая удивления и удовлетворения.

– Я правильно понял, что вы относитесь к этому отрицательно?

– А как еще может относиться русский человек к разрушению своей великой державы, созданной в течение десяти веков потом и кровью его предков.

– Тогда почему вы поддержали Ельцина, а не ГКЧП?

Изучив Костю взглядом, губернатор поднялся и вышел.

Эльвира посмотрела вслед мужу, проговорила:

– Вы задали неприятный для него вопрос. Он даже решил об этом написать и начал собирать материал.

Костя чуть не возразил: «А чего же он хвалился?», но решил, что она тут не причем.

Вернувшийся губернатор протянул Косте несколько напечатанных листов.

– Это обращение ГКЧП к народу. Сейчас я подписался бы под каждым его словом.

Костя прочитал. Его поразили точность анализа проводимой политики Горбачева, до чего доходил сам, перечитывая множество книг. Все обращение было пронизано заботой о сохранении государства и судьбе народа. «...Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина... возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов... Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос. Даже элементарная личная безопасность людей все больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония... Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордостью за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколение граждан нашей великой державы в этом духе. Бездействовать в этот критический для судеб Отечества

час – значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор...».

Косте почему-то особенно запало слово «даже» во фразе об угрозе личной безопасности. Тогда это считалось немыслимым преступлением. Возвращая листы, он сказал Архипову:

– Здесь нет ни одного слова, против которого можно было бы возразить. Все сбылось пророчески. Не понятно, почему народ их не поддержал и за что их арестовали?

Архипов наполнил Костину и свою рюмки. Эльвира прикрыла свой бокал рукой и поднялась с разочарованием на лице.

– Я чувствую, вы теперь надолго. Позовите меня, когда наговоритесь.

Губернатор махнул рукой, чтобы она не мешала, выпил и, бросив в рот маслину, заговорил сердито:

– Русский человек всегда слепо верил своим руководителям и спохватывался позже. Единственный, кому он перестал верить еще в годы правления, был Ельцин. А вначале тот был кумиром: как же, прост, как правда, в автобусе, как все, ездил. А Горбачев взял народ словоблудием об улучшении социализма. Кто и когда не хотел жить лучше? Под этой вывеской он к девяностым годам порушил все: власть, партию, КГБ, а главное, дезорганизовал и деморализовал народ, который в течение шести лет усиленно обрабатывали все средства массовой информации, охаявая прошлое и настоящее Советского Союза и воспевая райскую западную жизнь. В стране бесконтрольно работали иностранные спецслужбы, подталкивая союзные республики к сепаратизму и выходу из СССР, в результате чего начался парад их суверенитетов. Но, вместо того, чтобы остановить этот процесс, Горбачев его узаконил юридически на Ново-Огаревских посиделках. Там он предложил новый союзный договор по сути конфедерального государства, подтолкнув тем самым распад СССР. В этих условиях гэкачепистам надо было не полуизолировать лишь одного Горбачева и не появляться затем на экране с жалким видом и трясущимися руками, а поручить десятку умельцев из «Альфы» за одну ночь отправить всю ту продажную верхушку от Горбачева с Ельциным до всех тех Яковлевых, Собчаков, Поповых и еще человек пятьдесят, больше бы их не набралось, в места, откуда они не смогли бы даже позвонить. А с утра надо было установить жесткую цензуру над прессой, чтобы люди проснулись, а на экране не «Лебединое озеро», а «Широка страна моя родная». Если же и появляться на экране, то уверенными в себе руководителями великой страны и вселяющими в людей такую же уверенность в лучшем будущем. Не поздно было сделать это и, когда Ельцин укрывался в подвале Белого дома, больше всего боясь появления «Альфы» и заливая свой страх водкой. А сам два года спустя, не задумываясь, приказал стрелять по тому же Белому дому из танковых орудий и брать его штурмом.

Ты спрашиваешь, почему я был тогда рядом с ним, а не с гэкачепистами? Задай вопрос полегче. Это сейчас ученые сходятся на том, что распад Советского Союза не был неизбежностью, в крайнем случае, из него могли выйти одни прибалты. А при той оголтелой обработке мозгов, когда не давали слова никому, кроме демократов, у любого крыша поедет. Вот и я был уверен, что СССР обречен и надо было спасать хотя бы РСФСР, за суверенитет которой Ельцин тогда так ратовал. Это уже потом я понял, что суверенитет ему был нужен лишь как повод для захвата власти. Он знал, что президентом СССР ему с его куцым умом никогда не быть, и он решил стать хотя бы президентом России, отделив ее от СССР, что позже и сделал в Беловежье. Ради достижения этой цели он был готов переступить через все законы, народ, соратников и саму страну. Но это произошло через четыре месяца в декабре, а в августе об этом он не заикался, пудря нам демократией мозги.

Но в ГКЧП, к сожалению, не нашлось человека, который смог противостоять напору и наглой решимости Ельцина и демократов в захвате власти. Кроме того, о каждом шаге путчистов знал посол США Метлок. Как и от кого, не знаю, возможно, от кого-то из членов ГКЧП, но он руководил всеми действиями Ельцина в те дни. Он первым предупредил заранее о приходе танков в Москву. Для их встречи оперативно были подготовлены крытые минифургоны, набитые бутылками всех сортов, а также кусками арматуры и кольями. Своевременно были оповещены о заготовке закуски лавочки и о дармовой выпивке панки, бомжи, проститутки и прочее деклассированное население, ну и, разумеется, корреспонденты «Голоса Америки», БиБиСи, «Немецкой волны» и отечественных демократического толка СМИ. Все телевизионные каналы непрерывно трубили о предстоящих расстрелах и арестах, призывая людей выходить на улицу на защиту не успевшей родиться демократии. И люди поддались, заполнив улицы. И когда танки, наконец, появились, в них полетели бутылки, их окружали, на них забирались, закрывая смотровые окна, стуча по броне и покрывая танкистов пьяным матом. Танкисты, рискнувшие выглянуть из люка, падали вниз с разбитыми головами. Но у них был строгий приказ остановиться на Садовом кольце, не доходя до Белого дома, ничего не предпринимать и тем более не открывать огонь. Тогда спрашивается, зачем их туда направили не ночью, а в одиннадцать часов дня? Никакие перевороты не делаются в такое время при переполненных улицах. Это больше походило на оперетту вместо оперы. Никто из членов ГКЧП не был психологически способен осуществить реальный политический переворот, что не скажешь о демократах, готовых на любые подлости.

Я уверен, что тем трем погибшим парням помогли упасть под попятившиеся танки, чтобы вызвать взрыв негодования у народа. Подтверждением этому является то, что уже через несколько минут, словно заранее ожидаемое, весь мир облетела информация о зверствах гкачепистов и о гибели героев, преградивших своими телами путь к Белому дому.

Членов ГКЧП есть, в чем обвинить, но только не в крови — ее спровоцировали люди в Белом доме, совершенно точно знавшие, что армия и милиция не станут применять оружие против населения.

Вся истерия, которая нагнеталась в то время в Белом доме и прессе, была чистой воды провокацией. По «Немецкой волне», к примеру, был передан крик Руцкого о подходе к Белому дому бронированной дивизии, оказавшейся машинами 4-го таксомоторного парка. Он такая же сволочь. Сейчас рвется на прием к Ельцину, чтобы с ним помириться.

Губернатор чему-то усмехнулся и выпил. Костя сказал:

— В Обращении упоминался общенациональный референдум о единстве страны, состоявшемся в марте девяносто первого года. Об этом сейчас упорно молчат. Я слышал, что вы принимали участие в его проведении.

— Я принимал участие в его проведении, но не в составлении текста. В нем был поставлен вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». Вопрос демократы постарались запутать, в надежде получить поменьше голосов, но результат их разочаровал. Около восьмидесяти процентов еще советских людей ответили положительно. Но тем троим в Беловежье на мнение их народов было насрать. Ими руководила только жажда личной власти. А народы от распада СССР ничего не выиграли, лишь потеряли.

— Кто-нибудь подсчитывал эти потери? Я имею в виду суммарные потери для России и других республик за годы перестройки и демократических реформ.

— Это табу для нашей правящей элиты, потому что если это опубликовать, то неизбежно возникнет вопрос о привлечении к суду организаторов реформ. Зато сами они и их глашатаи готовы день и ночь твердить о сталинских репрессиях и жертвах, которые в то время

были, игнорируя и даже обосновывая жертвы, которые ты имеешь в виду. У меня эта арифметика сидит в мозгу. – Архипов с такой силой ударил указательным пальцем по лбу, вонзив в него ноготь, что выступила кровь. Костя подал ему салфетку. Губернатор намочил ее водкой и приложил ко лбу. – Я уверен, что разрушения, которые нанесли стране Горбачев и особенно Ельцин своими экономическими реформами, абсолютно несопоставимы с разрушениями от войны с немцами. По воле этих предателей мы превратились в нищую страну с голодающим населением, лишились армии, флота, промышленности, науки, абсолютно всего. Ученые подсчитали, что на восстановление всего этого потребуется не менее сорока пяти лет и то при самых благоприятных условиях. А после войны мы восстановили народное хозяйство и даже превзошли довоенный уровень уже через семь лет, а того, что потеряли сейчас, мы не вернем уже никогда. А главное, мы потеряли великое государство, и уже не будет того народа, свершениями которого и принадлежать к которому мы так гордились.

– Чем все это закончится, как вы думаете?

– Уверен, в конечном счете, исчезновением русской России. Вместо нее будет сборная солянка из азербайджанцев, таджиков, китайцев и прочих «цев», среди которых русские станут нацменами, причем самыми слабыми и угнетенными. Демографы в один голос утверждают, что уже через пятьдесят лет, то есть при жизни наших детей, нас, русских, останется меньше половины сегодняшнего числа или треть всего населения. А исходя из генохронологии, если количество носителей доминирующего расового типа в обществе сокращается больше, чем наполовину, то государство распадается как историческая общность. Если населяющие Россию нации и народности пожелают продолжать жить в едином государстве и даже сохраняют его название, то это будет уже не эта Россия. Но даже не это главное, а то, что русский народ будет совсем не этот. Он сейчас уже не тот, что был полвека назад, а, учитывая, как и чему воспитывают сейчас молодежь... – Губернатор махнул рукой. – Слава богу, что я до этого не доживу, да и тебе в этом, смысле скорее всего, тоже повезет, учитывая твой русский патриотизм. С ним ты долго не протянешь, сердце не выдержит.

Тогда они проговорили до вечера. К ним часа через три присоединилась Эльвира, переодетая в платье с разрезами до пояса сверху и снизу. В доме нашлась гитара, и Костя играл и пел русские песни и Есенина. Он был уже женат на Кате, но его собрату это было по фигуре. При виде шикарного женского тела тот, как с цепи сорвался особенно, когда Эльвира в пылу разговора коснулась один раз собрата рукой, а в другой – положила ее на него и, обхватив двумя пальцами, провела по всей длине. Губернатор в это время спал, склонив на плечо голову. Одна грудь Эльвиры вылезла из разреза полностью. Такой роскошной груди Костя не видел даже у стриптизерш в ресторанах. Он невольно взглянул на губернатора. Эльвира поднялась и потянула его за руку к двери.

Он высвободил руку, поднялся, скривившись от ломоты внизу, и потрогал Архипова за плечо. Тот открыл глаза.

– Олег Гаврилович, я поехал домой. Спасибо вам за приглашение и разговор. Теперь очередь за вами обоими приехать к нам.

Губернатор тряхнул головой и улыбнулся.

– Как же это я задремал? Ты уж извини меня, старика. А Эля где?

– Наверное, у себя.

Они вышли в прихожую. Архипов заглянул в спальню и шепнул:

– Спит. Не будем будить. – Перед дверью он встал перед Костей и тронул его за рукав. – Ты вот что... Я не отказываюсь от всего, что тебе тут наговорил. Это только пишут, что сейчас свобода слова. Говорить действительно можно и не посадят, а кислород перекроют. А я как-никак губернатор. Сам понимаешь, выгонят моментально.

Костя успокоил, что об этом его можно было не просить, и с тех пор у них установились доверительные отношения, что, однако, не мешало губернатору отчитывать Костю за слишком крутые меры при решении проблем.

Но без крутых мер Костя бы ничего не достиг. Примером этого было предотвращение силового захвата станкозавода. Но губернатор об этом, разумеется, не имел представления.

Новоявленные хозяева станкозавода не заставили себя долго ждать.

Уже через неделю после того, как Хохлов, сдав дела Косте, вернулся на завод, там объявился его новый директор в сопровождении адвоката с юристом и полсотни боевиков в непонятной форме, похожей на эсэсовскую, и в масках. В считанные минуты и без единого выстрела пришельцы обезоружили и заменили своими заводских охранников бюро «Щит и меч», вышвырнув их за ворота.

Момент захвата был выбран расчетливо: половина восьмого вечера, когда рабочий день закончился, и работали в полсилы лишь литейный цех и побочные производства, а на территории хозяйничали одни уборщики.

Уходивший поздно домой Хохлов сидел в своем кабинете. В приемной находились секретарь Лена, женщина лет сорока, и телохранитель Петя, отобранный Кротовым из лучших своих бойцов взамен себя. Лена печатала на принтере компьютера, а Петя, как обычно, смотрел телевизор, не выпуская из поля зрения входную дверь. Очевидно, боевики об этом знали, так как ворвались в приемную с направленными на Петю пистолетами. Однако он успел сделать несколько выстрелов. Один боевик был убит наповал и двое ранены. Упал изрешеченный пулями и Петя.

Хохлова, вскочившего из-за стола, когда раздались выстрелы, ворвавшиеся в кабинет боевики вывели под руки в приемную секретаря, а кабинет тут же занял новый директор. С Хохловым разговаривать он не стал, напустив на него адвоката и юриста. Но Хохлов бросился к Лене, склонившейся над лежавшим с залитым кровью лицом Петей.

– Виктор Васильевич, он жив, – шепнула она.

Ее слова услышал один из боевиков и направил на Петю пистолет. Лена загородила раненого собой.

– Не смей! – рявкнул на боевика Хохлов голосом, от которого задребезжали стекла.

Адвокат с огромными губами и лохматой седой шевелюрой помахал неодобрительно головой боевику, а Хохлову сказал сердито, указывая на Петю:

– Он убил работника правосудия и предстанет перед судом. Если, разумеется, выживет.

Хохлов велел секретарю вызвать его служебную машину, но сделать это ей не разрешили. Не позволили им позвать кого-нибудь из рабочих. Поднять тяжеловесного Петю они не смогли и дотащили его на полovice сначала до лифта, а затем до ворот проходной и на улицу, где их поджидали водитель и с виноватым видом охранники. Когда Петю укладывали в машину, он вдруг открыл глаза и, увидев Хохлова, прошептал:

– Вы живы...

– Жив, Петя, жив. Главное, ты живой.

Петю спас бронежилет, в котором застряли восемь пуль, еще одна разворотила щеку, другая попала в живот. Он остался жив и после выздоровления продолжил работу телохранителем Хохлова.

Из больницы директор вернулся к проходной. Охранники стали оправдываться:

– Мы не знали, что с ним они. Мы бы их непустили.

– С кем с ним?

– С Бухаровым.

Бухаров был финансовым директором вместо Гиндина. Теперь Хохлову стало ясно, почему он променял Москву на Лески и откуда у захватчиков оказались сведения о заводе.

Охранники сказали, что Кротова и Платона они оповестили. Хохлов позвонил Косте. Тот уже знал и ехал к ним.

Они встретились в клубе. Выслушав Хохлова, Костя успокоил его:

– Не переживайте вы так, Виктор Васильевич. Мы дома, а они оккупанты. Ничего у них не выйдет. Житья здесь мы им не дадим. Попробуем, чтобы уже утром их духа здесь не было.

– Безусяк знает?

– Зачем ему знать? Вы еще о Золотове спросите. – У Кости сразу не сложились отношения с присланным из Центротограда новым прокурором Лесков. Ему с большим трудом удалось добиться назначения Есакова замом Золотова. – Уж этот обязательно возьмет бандитов под защиту, так как документы у них в порядке. На доказательство, что они поддельные, уйдут годы, да и вряд ли удастся это сделать. Денег у них больше, чем у нас, поэтому кого надо они подкупят и, в первую очередь, Золотова. Они на то и рассчитывают, что мы не пойдем на нарушение закона. А мы пойдем. Надо отбить у них и других навсегда охоту приезжать в Лески.

Костя изложил план освобождения завода, отведя важную роль жаждавшим взять реванш охранникам, хорошо знавшим все ходы – выходы. Им он поручил взять под наблюдение всю территорию завода.

Операцию назначили на четыре утра. Хохлов хотел принять в ней участие, но Костя не разрешил, а попросил переждать за воротами. По его расчетам операция должна была занять не более пяти минут.

Собрались на полчаса раньше здесь же в клубе. Все, включая Кости, явились в камуфляжной форме такого же цвета, что и на захватчиках, и таких же вязаных масках. Также одели охранников. Они рассказали, что вели наблюдение не только снаружи, двое из них проникли через лаз на территорию и разведали места нахождения боевиков и их количество. В три часа они наблюдали смену караулов: пять человек охраняли главную проходную, трое – складские ворота, десять человек – заводские цеха и шестеро совершали обход вдоль забора по три человека с каждой стороны от главного входа. Из их разговора разведчик узнал, что начальство праздновало победу в кабинете директора, не забыв и боевиков, которым выделило десять бутылок водки из расчета по сто грамм на рыло. Таким образом, подтверждалось ранее высказанное охранниками предположение о том, что боевиков было около полусотни.

Поблагодарив разведчиков за донесение, Костя попросил выключить свет на всей территории завода ровно в четыре часа, что должно послужить сигналом к началу операции. А перед этим охранникам надлежало провести через лаз группу Саши, которой поручалось нейтрализовать патрули.

Группа Платона должна была захватить главную проходную. Охранников Костя обязал вернуть пост у складских ворот. Группа Кротова взяла на себя боевиков в цехах и была самой большой, из двенадцати человек, с учетом разбросанности территории. Костя обратил их внимание на соблюдение осторожности, с учетом находившихся в цехах рабочих.

Себе Костя оставил восемь человек, взяв на себя захват офиса с тридцатью боевиками и начальством, включая не расстававшегося с оружием Бухарова. Расчет он делал на то, что и те и другие, скорее всего, будут спать или пить.

Успех при захвате офиса во многом зависел от того, была ли закрыта на засов изнутри офисная дверь. Засов там кованый, и никакой таран ему не страшен. Если его задвинули, проникнуть в офис можно будет только через чердак или окна, на что потребуется время.

Костя надеялся, что боевики, опоенные легким захватом завода, не воспользуются задвижкой. От кого им запирается, если во дворе своя охрана?

Без пяти четыре все группы заняли исходные позиции. Костя со своими бойцами приник к забору напротив входной офисной двери. Он первым перемахнул через забор и помчался к двери, моля бога, чтобы она не была заперта на засов. Так и оказалось: обесточенная дверь легко подалась. Попридержав ее и передав следующему, Костя вошел во внутрь. Наверху слышались голоса:

- Где он тут у них гребаный туалет?
- Марат, ты? Узнай, у кого в машине есть фонарь, пусть принесут к нам.
- Водители уже дрыхнут.
- Так разбуди.

Стукнула одна дверь, затем вторая.

Дождавшись всех бойцов, Костя осветил фонарем лестницу и стал бесшумно подниматься. Наверху они разбились на две группы: Костя с Димой, Женей и Володей тонким направился в кабинет директора, а остальные во главе с Володей толстым, обгоревшим, но выжившим при подрыве ФОКа, – в конференц-зал, так как только там могли разместиться тридцать человек.

Приемная секретаря была пуста. Костя распахнул дверь в кабинет и осветил его.

За столом переговоров сидели спиной к двери трое, Бухаров стоял напротив с не зажженной свечой в руке, кто-то лежал на полу в спальном мешке. Еще несколько пустых мешков стояли в углу.

- Всем оставаться на местах! – приказал Костя. – Стреляю без предупреждения!

Как бы в подтверждение его слов, за дверью послышались одиночные выстрелы, которые подавила автоматная очередь.

Володя тонкий, заметно пополнившийся с тех пор, подскочил к человеку в камуфляжной форме, выбил из его руки пистолет и свалил на пол вместе со стулом. Подбежавший Дима помог Володе уложить боевика лицом вниз и защелкнуть на руках наручники.

- У кого еще есть оружие? – спросил Костя.

Бухаров, щурясь от луча, положил на стол свечу и молча протянул, держа за дуло, пистолет.

– Больше ни у кого? – Костя перевел фонарь на человека в мешке, которого уже успел поднять ударом ноги Женя, после чего опять занявший место у двери.

Человеком оказался юрист, молодой парень с косичкой вместо бородки. Костя подтолкнул его к столу, указал место Бухарову, и в этот момент вспыхнула люстра.

Встав у торца стола, Костя окинул захватчиков взглядом, и спросил:

- Кто такой Султанов?

Губастый адвокат, у которого помимо волос лохматыми были еще и брови, сердито оглядел Костю и сказал поучительным тоном:

– Я – адвокат Рискин. Прежде чем отвечать на ваши вопросы, мы бы хотели узнать, кто вы.

Стоявший напротив стола Володя молча подошел к адвокату, резанул ребрами ладоней по ушам и вернулся на место. Рискин хрюкнул, зашлепал по – лошадиному губами и втянул голову в плечи.

Костя направил пистолет на головастого лысого директора, узнав его по описанию Хохлова, – сейчас он был еще и багроволицым от выпивки.

- Отвечай, кто такой Султанов или тоже интересуешься, кто я?

Директор бросил мимолетный взгляд на все еще хрюкавшего адвоката и поспешил ответить:

– Насколько я в курсе, Султанов являлся одним из владельцев этого завода.

– А кто сейчас владелец?

На этот раз директор взглянул украдкой на юриста.

– Он владелец?

– Нет, он юрист.

– Кто владелец?

– Этого я не знаю.

Подойдя к директору, Костя ухватил его за шиворот и трижды ткнул лицом о стол. По зеленой скатерти разлилась лужа, похожая на тушь.

– Даю вам пять минут. Или вы рассказываете мне, кто заказал завод, или будете пущены в расход.

Он велел Диме и Володе связать всем руки и вышел с Женей из кабинета.

В конференц-зале бойцы заканчивали связывать лежавших на полу боевиков. Трое убитых лежали отдельно, один рядом с ними стонал.

В углу у двери была свалена горка пистолетов и ножей, на столе были сложены документы и стопка долларов. Володя толстый пояснил:

– У каждого было по тысяче долларов. Говорят, выдали перед отъездом сюда.

– Кто они?

– Подмосковные чоповцы.

У нас потери есть?

– Один ранен в голову, второй в руку. Обоих повезли к нашим хирургам.

– Не забудь дать им по тысяче.

– За это спасибо. Без вас я не мог.

Костя сообщил по телефону Хохлову, что он может возвращаться в свой кабинет и стал спускаться по лестнице. У двери он столкнулся с Платоном, который доложил, что у него и у Саши операция на территории прошла без потерь с обеих сторон, не считая подбитого глаза у бойца и выбитых зубов и свернутых скул у боевиков. Все они связаны и погружены в автобус, из которого выгружены продукты. Саша со своими бойцами отправился на помощь Кротову завершать операцию.

Костя попросил Платона помочь Алексею вывести во двор боевиков из конференц-зала, а сам встретил Хохлова и поспешил с ним в его кабинет. Там он указал ему на его кресло за столом и громко спросил:

– Что выбрали? Называете фамилию заказчика или отправляетесь вслед за своими боевиками?

Директор испепелил Костю одним глазом – второй был закрыт, и по нему стекала из расщеченной брови кровь – и устался в стол. Рискин, сквозь седые лохмы которого торчали красные опухшие уши, оттопырил нижнюю губу и кивнул юристу. Тот кашлянул и проговорил:

– Мы решили, что ваши действия тянут как минимум на 169-ю, 206-ю и, возможно, на 210-ю статьи уголовного кодекса. Во всяком случае, еще три статьи вам будут обеспечены, которые легко потянут на вышку.

– Нас они только потянут, а вас мы пустим в расход прямо сейчас. – Костя посмотрел на Володю, стоявшего с автоматом на животе с другой стороны стола, и на Женю у двери. Дима остался караулить в приемной. – Заберите у них документы и деньги. На том свете они им не понадобятся. Во двор их выведите, когда уложат боевиков. А у этого козлика срежьте

на память косичку, – показал Костя на юриста. Затем он нагнулся над главарем бандитов и рывком поднял его. – Пошли. В последнюю минуту ты должен быть со своими подчиненными.

Костя повел главаря к двери.

– Эй, эй! Как вас там? Постойте! – закричал испуганно в спину Кости юрист. – Вы что, с ума сошли? Вы не имеете права!

Но Костя не обернулся и вышел.

Когда дверь за ними закрылась, все, включая Бухарова, повернули головы к Хохлову.

– Вы-то хоть понимаете, чем все это кончится для вас? – спросил, трясая головой, адвокат. – Он просто маньяк, и вы должны его остановить.

Тут Хохлова прорвало:

– А как еще, простите, вас остановить? Только так! Конечно, честнее было бы отправить на тот свет одного того, кто вас сюда послал. Но вы же его скрываете. Значит, знаете, на что идете.

– Но мы действительно не знаем ни этого Султанова, ни нынешнего владельца вашего завода.

– Лжете! Прекрасно знаете, что владельцем завода является его коллектив, который поднял его из руин, и два директора погибла за него. А если не знаете, то это не делает вам чести. Вас интересуют только деньги. За них вы готовы работать на любого бандита, вора, проходимца, преступника. Его вы не называете потому, что боитесь. А зря. Он нам нужен не для того, чтобы сказать ему спасибо. И вы бы остались живыми.

В дверь вошли присланные Костей два бойца и сказали, что они за приговоренными, кроме Бухарова, которого приказано оставить здесь и запереть под охрану Володи тонкого.

Поднимать гостей пришлось силой. У адвоката отказали ноги, и его повели под руки. Вздумавшего упираться юриста усмирили пинком по задку.

Перед воротами урчали моторами два старых автобуса, набитых боевиками, а чуть поодаль пыхтел ржавый «Москвич» для руководства.

Костя спросил главаря:

– Хочешь сохранить жизнь своим браткам? Кстати, кто они? Чоповцы?

Главарь, военная выправка которого выдавала боевого офицера, ответил сердито:

– Чоповцы. Их за что? Чем они отличаются от твоих парней? Им также надо кормить семьи.

– Семьи, конечно, кормить нужно. Но не за счет ограбления себе подобных. Директора здесь не толстосумы, а заслуженные работники. Двоих убили, на этого, – Захар указал на подходившего к ним Хохлова, – несколько раз покушались. Сегодня против вас выступили одни охранники, а потребуется, выйдут все рабочие. Ты спросил, чем твои люди отличаются от моих. Тем, что мои защищают свою собственность, а твои помогают бандитам захватывать ее.

– Они и сейчас так не думают, а уверены, что бандиты – вы, если арестовали адвоката и юриста. Даже я точно не знаю, кто из вас по закону прав. Но если и пускать кого в расход, то не их, а меня одного. Я их сюда привез.

– Не думаю, что они такие уж паиньки. Уверен, что это ваш не первый бандитский вояж. Но первый, на котором вы обожглись. Надеюсь, он будет последним, по крайней мере, сюда. У нас в стране достаточно толстосумов, к кому подобные визиты приветствовались бы. Хотя бы к тому, кто послал вас сюда. Давай мы сделаем так. Мы вас отпустим. Однако если вы явитесь сюда еще раз, живыми отсюда домой вы уже не вернетесь. Это я гарантирую, сколько бы вас сюда ни приехало, всех уложим здесь. А сейчас мои ребята вывезут вас из района, дальше поедете сами. Документы мы вам вернем, копии с них мы сняли, а за оружие и деньги не взыщите. Они нам пригодятся для отражения очередного посягательства на наш завод. Не взду-

май что-либо предпринять против нас. И скажи это своим. Ваши координаты у нас остались, мы вас где угодно найдем.

Главарь хотел что-то сказать, возможно, поблагодарить, но Костя уже направлялся к «Москвичу». Хохлов догнал его и спросил:

– А с этими ты как поступишь?

– Это зависит от них. Скажут, кто заказал завод, отпущу. Не скажут... Но, я уверен, они скажут.

– Бухарова зачем оставил? Я не хочу иметь с ним никаких дел.

– Отпускать его с ними нецелесообразно, он слишком много знает о заводе и о нас. В тоже время он может знать больше их о заказчике. Допросим его отдельно.

– Оттуда заедешь ко мне рассказать?

– Обязательно.

«Москвича» вел Саша. Костя сидел рядом, держа в руке пистолет. Но он не понадобился. У пленников не было сил даже спросить, куда их везут. Возможно, Бухаров успел им шепнуть про карьер, где бесследно исчезали люди. В таком случае Костя усилил их опасения, сказав Саше:

– Поворачивай к карьру. Далеко в лес, чтобы не были слышны выстрелы, мы заехать не сможем, а в карьере обойдемся без них.

Сзади повисла могильная тишина, которую нарушил дрожащий от страха и протеста голос адвоката:

– Вы представляете, что вам за это будет?

– Потому и везем вас в карьер. Там вас точно не найдут. Скажем, что мы отпустили вас домой. Свидетелей, которые вас видели в ста километрах отсюда, мы найдем, не проблема.

– Вы... вы не имеете права.

Саша сказал Косте с усмешкой:

– Сразу, морда, вспомнил о правах, когда коснулось его шкуры.

– Обычная манера подлецов и трусов. Все! Заткнулись. Я могу прикончить вас прямо сейчас. Не лишайте себя удовольствия побыть на этом свете лишних полчаса. Ты слышал, что вчера одна старушка сказала про покойника в гробу? – спросил Костя Сашу.

– Там многое говорили. Что ты имеешь в виду?

– Она сказала: «Какой же он лежит сытый и довольный». Я чуть не засмеялся. Езжай здесь направо, потом прямо. Прижимайся к скале, а то и мы с ними сверзимся в обрыв.

– Да здесь еще не так глубоко, всего тридцать метров. А в середине костей не соберешь. Сто метров и вода метров пятнадцать. Глаза будем им завязывать?

– Зачем? Мы же их не расстреливать будем, а сбросим вместе с машиной.

– Жалко ее. Она еще неплохо бежит.

Сзади икнул юрист и закричал в истерике:

– Я не хочу умирать! Что вы хотите знать!

Его поддержал адвокат:

– Как вас там? Послушайте! Мы действительно не знаем, кто заказал ваш завод. Я, например, имел дело с таким же адвокатом, как я. Могу назвать вам его фамилию.

Костя попросил Сашу:

– Остановись. Разворачивайся к пропасти передом и не забудь поставить на ручник.

– Если бы он был. Ничего, я поставлю на скорость.

Костя обернулся и осветил фонарем каждого по очереди. Сидевший у левой двери директор сосредоточенно смотрел в Сашин затылок, не реагируя на свет. У зажатого посередине

Рискина нижняя губа отвисла до подбородка и с нее свисала слюна. Маленькие глазки с надеждой уставились на Костю. Глаза юриста застилали слезы. Косичку ему почему-то не отрезали, она изогнулась в сторону, отчего он выглядел клоуном.

– Я хочу знать фамилию того, кто послал вас сюда. Мелкие предприниматели меня не интересуют. Мне нужен главный, тот, кто вам платит и платит хорошо, если даже чоповцам отстегнул по тысяче долларов. Вы, я думаю, получили на порядок больше. Назовите этого толстосума и можете ехать домой. Не назовете – не взыщите, полетите вниз. Повезет тому, у кого сердце лопнет до падения. Не позавидую тому, кто останется жив в медленно затопляемой холодной жижей кабине. Считаю до трех. Выходи, – направил фонарь на Сашу Костя и, когда тот вышел, открыл свою дверь. – Раз.

– Постойте! – крикнул в последнем отчаянии юрист. – Я назову его, но вы пообещайте, что убьете его. Он пригрозил расправиться не только с нами, но и с нашими семьями, если мы упомянем его.

Костя усмехнулся:

– Его кто-то пришьет, а вы укажете на меня. Быстро, кто он?

– Лискеров.

Лискеров был известным в стране предпринимателем.

– Зачем ему понадобился едва дышащий на ладан завод?

– Это я не знаю.

– А вы что скажете? Подтверждаете, что завод заказал Лискеров?

– Да, подтверждаю, – оживился адвокат, сложив губы дудочкой.

– А ты?

Директор буркнул:

– Что мне остается делать?

Костя велел Саше ехать к областной дороге. Вдруг разговорился адвокат. Попросив закурить, он голосом, не допускавшим возражения, стал утверждать, что Лискеров, прибрав к рукам металлургию, принялся за металлообработку, приватизируя аналогично через подставные лица все подряд заводы этой отрасли, чтобы не было бреши для конкуренции. В благодарность за эти сведения Костя протянул адвокату вместе с пачкой сигарет ключи от «Москвича», когда подъехали к областной дороге. Выходя из машины, он сказал, что не возражает, чтобы этот разговор остался между ними.

Они радостно закивали. Еще он посоветовал им забыть о заводе навсегда, как о неприятном сне. Если же кто из них появится здесь еще раз, карьера ему точно не миновать.

Он дал им деньги на бензин и снятие стресса, извинившись за то, что паспорта оставил на случай, если они вздумают продолжить дело с Лесками. Они даже не запротестовали и больше о себе знать не давали.

О том, что свой визит на станкозавод они сохранили в тайне, говорил тот факт, что о нем не имел представления даже прокурор Золотов. Уж он свой шанс насолить Косте ни за что не упустил бы.

Но вскоре с заводом стало твориться неладное. Сначала отказал в металле один поставщик, затем другой. Едва Хохлов нашел им замену, как разорвали многолетнее деловое сотрудничество два субподрядчика, и за ними аннулировали контракты на готовые станки сразу несколько фирм. Попытки выяснить, в чем причина этого, результатов не дали, пока один из старых знакомых Хохлова, директор метизного завода, не поинтересовался:

– На твой завод права никто не предъявлял?

Хохлов вспомнил о визитерах и рассказал о них.

– Тогда ясно. Работа Лискерова.

Директор поведал, что под угрозой потери жены и дочери он за бесценок продал контрольный пакет акций своего завода некоему Султанову, сохранив за собой руководящую платную должность. Через полгода он случайно узнал, что завод перекуплен у Султанова Лискером.

– Ты Султанова видел?

– Ни разу. Думаю, он подставное лицо. Со мной вели дела адвокаты и юристы. Так что я посоветовал бы тебе смириться и выторговать поприличней оклад. Другого выхода у тебя нет. Лискер все равно от тебя не отстанет и завод получит. А может и убить.

Хохлов рассказал об этом разговоре Косте, уже избранному мэром.

– Значит, все-таки Лискер, – проговорил задумчиво Костя, а когда директор ушел, потянулся к телефону. – Зайди ко мне.

Видно, есть бог на свете. Приблизительно через месяц Хохлов к своей радости узнал по телевизору о заказном убийстве Лискера. Магнат был застрелен снайпером при выходе из ресторана. Нашлась добрая душа, которая его заказала. Дела на заводе быстро стали выправляться за счет восстановления прерванных связей.

Костя воспринял смерть предпринимателя – бандита с безразличием, заметив, что их плодит сама капиталистическая система, на смену одному бандиту тут же приходит другой. В борьбе с ними, если нельзя поменять систему, так и надо действовать. И никак иначе.

Насчет того, что есть бог на свете. Только от этого бандитов в России становилось все больше и больше. Поэтому Костя полагался больше на себя. Как говорится, бог-то бог, да сам не будь плох.

Ободренный поддержкой губернатора, Костя в первую очередь принялся за решение проблем порушенной деревни. Проезжая ранее мимо пустых изб, он пытался представить, как выглядела бы деревня, если бы в каждой избе дымились трубы, а во дворе играли дети. А по утрам и вечерам по улице прогоняли стадо коров.

О том, что так и было совсем недавно, ему рассказал Толя, работавший киномехаником, развозившим кинофильмы по деревням.

– Как они меня встречали! – вспоминал он с блеском в глазах. – Собирались перед клубом часа за два, парни куражились перед девками, те рыскали на них глазами, вокруг бегала детвора, царили веселье, шум, гам. После фильма в клубе обязательно были танцы под радиолу и на улице под гармошку. Если в фильме была новая песня, а они, как правило, были в каждой новой картине, то гармонисты тут же схватывали мелодию и наигрывали ее. А утром вся деревня ее пела. Раньше вообще много пели и плясали. Не как сейчас только на экране. Помимо фильмов, в деревенских клубах выступали артисты из Лесков, Центрграда, а то и столичные. Как правило, концерты для сельчан были бесплатные. А после концерта опять танцевали и плясали.

Толя развозил картины в соседнем районе, а лесковские деревни всегда считались престижными среди других деревень центроградской области ввиду своего особого географического положения, и люди здесь жили лучше. Костя прочитал литературу о Лесках и знал, что проживавшие в этой заповедной местности в царское время вольные люди, помимо государственной службы по охране леса, занимались скотоводством, звериным и птичьим промыслом, выращиванием культур, не требующих больших посевных площадей. В советское время это был полузакрытый из-за заповедности и воинской ракетной части район в основном сельскохозяйственной направленности. В нем было рекордное число колхозов-миллионеров и один крупный станкозавод. К началу перестройки в районе было свыше 17 тысяч голов крупного рогатого скота и проживало 26 тысяч человек. К тому моменту, когда Костя стал исполнять

обязанности мэра, крупного рогатого скота в районе осталось менее 1800 голов, а население сократилось до 11 тысяч человек. В последние три года людей умирало в три раза больше, чем рождалось. Сказались безумные годы без работы и зарплаты. Еще недавно процветавшие колхозы и совхозы были по указу Ельцина ликвидированы. Поделенная между крестьянами на паи и выданная фермерам земля быстро пришла в запустение из-за износа старой техники и отсутствия денег на покупку новой. Если где и удавалось выращивать урожай, реализовывался он с убытком из-за низких цен, устанавливаемых перекупщиками. То же самое было с продукцией скотоводства и птицеводства. Вырученные за мясо и молоко деньги не покрывали затраты.

При делении земли на паи почему-то были обойдены учителя, врачи, работники культуры, связи, торговли и общественного питания, иными словами вся сельская интеллигенция, которая подалась в город торговцами к азербайджанцам. В результате одна школа осталась на несколько деревень, и многие дети не могла ее посещать. Лечиться приходилось ездить за десятки километров при отсутствии автобусных сообщений. Вслед за интеллигенцией из деревень уехали и непосредственные специалисты сельского хозяйства в ту же торговлю. Оставшиеся жители стали пить сначала самогон, когда сахар был еще по карману, затем паленую водку, а в последние годы стали вливать в себя дешевые очистители, растворители и лосьоны. Настоящим бедствием стали наводнившие прилавки сельских магазинов двухсотпятидесятиграммовые пузырьки косметического спирта, прозванные в народе «фанфуриками». От них не столько пьянели, сколько дурели. Сначала напрочь отнимало мозги, затем отказывали ноги, почки, печень, зрение. В течение нескольких месяцев здоровые и крепкие мужики превращались в инвалидов, не потерявших, однако, способность зачинать детей. Отсюда 65% нынешних дошкольников в лесковских деревнях считаются умственно отсталыми. Деревня деградировала и стала ускоренно вымирать.

Этим воспользовались хищники, которые начали брать у крестьян землю в аренду в счет будущего урожая или выкупать земельные паи, как когда-то ваучеры Чубайса. Основным средством платежа за паи стали те же «фанфурики», на этот раз еще и деньги на лекарство, а те, кто не хотел продавать, пытаясь выжить своим трудом, бесследно исчезали, однако, не забывая почему-то оставить чужому человеку дарственную.

Новыми владельцами земли стала в основном городская номенклатура, в том числе лесковская, но больше пришлые денежные мешки. Третью земель вместе с деревнями, паями и лесными угодьями скупил на корню московский предприниматель Пенкин. Еще треть принадлежала покойному Стрыкину. Эти двое не скрывали от общества свою любовь к сельскому хозяйству. Остальные владельцы земли остались неизвестными, действуя через подставные лица. Крестьяне же превратились, как при царе, в батраков.

Новых латифундистов интересовали лишь подсолнечник под масло и ячмень под пиво, приносявшие наибольшую прибыль и что сейчас называют бизнес культурами. Ими и стала в основном засеиваться крестьянская земля, а в деревнях, располагавшихся исторически вдоль рек, появились особняки, коттеджи, конюшни, бензоколонки.

Не долго думая, Костя поехал в Москву и встретился с известным экономистом Дмитрием Семиным, фамилию которого запомнил, изучая экономическое положение СССР перед распадом. Семин, единственный из участников идеологического совещания в 1990 году выступил против безоговорочного перевода страны на рыночные отношения и приватизацию всё и вся. Он считал, что рынок должен быть не целью, а средством создания высокоэффективной экономики, ориентированной на человека.

Мысли академика были близки Косте, и он решил обязательно встретиться с ним. У него он хотел прояснить, может, он чего не понимает в этой жизни, рассуждая устаревшими понятиями, считая, в частности, главным пороком нынешнего строя России то, что три четверти всех природные богатств России принадлежат всего лишь трем процентам населения, так называемым нуворишам.

– Почему в таком случае все богатство страны не может принадлежать одному человеку? – возмущенно спросил Костя. – К примеру, Березовскому?

– У нас все возможно, – невозмутимо ответил академик, – потому что в конституции нет закрепления недр и природных ресурсов в исключительной собственности государства, когда можно было бы лишь покупать у государства право на добычу полезных ископаемых, а ни в коем случае не быть их собственником. Эти богатства даны России от бога и должны принадлежать государству, то есть всему народу и никому в отдельности. А наша власть отдала их избранной кучке, ограбив народ.

Однако академик ничем не обнадежил Костю, так как не видел в стране сил, готовых принять радикальные меры по исправлению ошибок, допущенных при грабительской приватизации.

– Какой же из этого выход? – спросил с надеждой Костя.

– Убеждать, доказывать правительству необходимость изменения экономического курса.

– Опять сиди и жди, когда придумают вожди?

Лично к тебе это не относится. Для своего округа ты – голова, тебе и карты в руки. Воспользуйся этим и наведи там порядок твердой рукой, не церемонясь, как не церемонятся они.

Слова академика о картах запали в душу Кости. Его учили, что движущей силой истории являлись народные массы, но он был согласен с этим тогда и сейчас лишь отчасти, сравнивая эти массы с грузовиком. Ничего один грузовик не может перевезти, если его не заведет и не поведет водитель. Сам грузовик сможет лишь съехать под уклон, и тогда жди беды: либо кого задавит, либо свалится в кювет. Так и народные массы. Движущей силой они являются только в том случае, если их кто-то ведет. Главное, куда. Если ведет на благо народа и страны, то она процветает. Окажется он предателем или подлецом, и страна погибает. Как правило, народ слепо верит своим руководителям и прозревает лишь после их ухода.

Костя уговорил академика стать его консультантом, и тот согласился приехать в Лески. Они проехали по деревням не только лесковским, но и соседних районов. От увиденного и услышанного академик был в шоке.

Проехав первую заброшенную деревню в Лесках, он заглянул на кладбище, где долго ходил между заросших могил. Сопровождавший его Костя обратил внимание на несколько дорогих памятников с трогательными надписями «От братков» и на десятки свежих могил без каких-либо надгробий и крестов.

– Вот она вся хронология постсоветской деревни – сказал Семин, когда они сели в машину. – До девяносто третьего года деревня еще держалась на старых запасах, да и какие никакие колхозы еще оставались. Первыми стали вымирать мужики от дешевой паленой водки и молодежь в бандитских разборках. Дольше всех держались перенесшие войну старушки. В безымянных свежих могилах, я думаю, лежат в основном они, хорошо, если в гробах, а не как собаки.

Неожиданно гробовой вопрос получил продолжение в следующей, тоже заброшенной, деревне. К ним подошла старушка и спросила, не купят ли они медаль Героя соцтруда. Она рассказала, что в деревне их осталось двое, она и соседка Надька, но та этой ночью умерла, не оставив ни копейки, только эту медаль, которую берегла дороже жизни.

– Купите, а? – умоляла она. – Митька из соседней деревни согласен привезти свой гроб и похоронить за сто двадцать рублей. А где ж я такие деньги возьму?

– Что значит свой гроб? – поднял седые брови Семин.

– То и значит, что свой собственный. Им их, как его, все забываю, ин... инвестер прошлой осенью каждому по гробу дал. А от нашего мы с Надькой так ничего не дождались. А теперь выходит, ее земельный пай ему совсем за бесплатно достанется.

– Фамилия этого инвестора у тебя, мать, есть?

– Была да куда-то запропастилась и у Надьки и у меня. Его должен был знать наш председатель, да его еще в прошлом году убили.

– Где находится твой земельный пай, ты знаешь?

– Где находится общий, знаю, за речкой, как у всех, а где там мой, это я не ведаю. А он мне нужен? Я же одна работать на нем все равно не смогу.

– Показать нам общий участок сможешь?

– Почему не смогу? Смогу. А медаль купите?

– Это ты к нему обращаешься, – указал старушке на Костю Семин. – Он у вас главный. Он такого заслуженного человека, как твоя подруга, должен похоронить со всеми почестями и с советским гимном. Я верно, Константин Алексеевич, говорю?

Смутившийся Костя тут же распорядился об организации похорон знатной свинарки Героя социалистического труда Калачевой Надежды Ивановны.

Еще он позвонил известному в Лесках аграрию Трунову и попросил его подъехать к ним. Сам он ни о каких инвесторах не знал, и ему было стыдно перед академиком.

Старушка съездила с ними на пахотное поле, оказавшееся по меркам лесковской деревушки немалым: гектаров на пятьсот. Оно все было засеяно ячменем. А старушке говорили, что земля не давала урожай, и поэтому им не платили.

– Ясно, – сказал Семин. – Производство ячменя для пива. А раньше что здесь росло? – поинтересовался он у старушки.

– Отборная пшеница. А для свиней и коров, – у нас еще ведь и молочная ферма была, – мы засевали кукурузу, свеклу и кормовое зерно.

Присоединившийся к ним Трунов пояснил, что все это поле вместе с прилегавшим лесом и деревней теперь принадлежало Пенкину. В общей сложности пивной магнат владел третью всей пахотной земли района, а с учетом подставных лиц и тех, кто выращивал для него ячмень, и того больше. Кроме ячменя, Пенкин занялся возведением на местах деревень поселков из коттеджей. В двух деревнях он уже начал их застройку с выходами на речку, а третью превратил в свою усадьбу на восемь гектар. Там он заканчивал строительство особняка.

Остальная земля и дворовые участки умерших и бесследно исчезнувших крестьян были прибраны к рукам покойного руководства Лесков. Больше всех, около трети, как и у Пенкина, принадлежало Стрыкину, специализировавшемуся на кукурузе на масло и также на строительстве коттеджей.

Если Пенкин и Стрыкин действовали открыто, то остальные владели землей через подставные лица. По данным Трунова, тысячу гектаров земли имел заместитель Кости по сельскому хозяйству Зимин.

– Я думаю, он и оформлял документально передачу колхозной земли новым владельцам и знает их всех. За каждый оформленный гектар земли он имел тысячу долларов. В соседних районах, где земля менее плодородная, эта ставка почти на половину ниже, а у нас земля ценится дороже из-за богатой почвы, а больше из-за рек и климата.

Услышанное о Зимине, всегда скромном и вежливом, для Кости было новостью.

У него тут же возник план.

В одной из деревень, принадлежавшей неизвестно кому, между огороженными трехметровыми заборами, жалко ютились домики оставшихся в живых крестьян. Сами они вначале встретили гостей враждебно, но, узнав, что приехали мэр и академик из Москвы, стали наперебой жаловаться на новых хозяев:

Совсем нам житья от них не стало.

Гонют всех в Ольховку, а там земля гнилая, ничего на ней не растет, и городское кладбище подступило вплотную.

– Тамарка им сказала: «Хоть убейте, отсюда не уеду», так они ее не убили, а сожгли ее избу. Им, вишь ли, позарез нужно было, чтобы вон тот красный коттеж стоял именно на ее месте рядом вон с тем белым. Денег у ней на новую избу не было, так они ей за ее участок отремонтировали избу в Ольховке.

Наши козы и куры стали исчезать.

А нам сказали, чтобы к весне мы отсюда уехали добровольно, если не хотим, чтобы нас вынесли вперед ногами.

Выходит, власти у нас теперь вовсе никакой нет, если с нами творят, что хотят? А если у меня здесь годами нажитое хозяйство? Да и помереть я хочу здесь и быть похороненным рядом со своими

Хотя они и знали, кто мэр, но почему-то жаловались одному Семину. Ему же был адресован и последний вопрос, который задал мужчина лет шестидесяти с граблями.

Академик указал на Костю и повторил слова, сказанные старушке:

– С этим вопросом ты к нему обращайся. Он у вас теперь власть. Если после этого разговора все у вас останется по старому, значит, нет у вас власти.

Проехали они и вдоль километрового забора, за которым строился особняк Пенкина. Заходить в усадьбу не стали, да и вряд ли их впустила бы грозная стража.

Семин провел в Лесках три дня. За это время он собрал материал для статьи «Хищники земли», появившейся в ... «Литературной газете». Другие центральные издания отказались ее печатать.

В своей статье академик резко выступил против готовившегося закона о частной собственности на землю, что неизбежно привело бы к окончательному развалу сельского хозяйства и социальной напряженности на селе. Ненависть к новым хозяевам на селе может оказаться не меньше, чем к тем, кто захватил в свое время сырьевые отрасли, и слово «земле-владелец» будет таким же ругательским, как «нефтяной олигарх».

Костю поразили приведенные в статье данные и больше всего вот эти: «В стране 24 тыс. населенных пунктов без жителей и почти столько же, где проживает менее 10 человек».

Если от статьи академика практического толка не было, так как правители страны ее просто не заметили или сделали вид, что не заметили, то его советы оказались очень полезными для Кости. В частности, Семин настоятельно рекомендовал ему поспешить с возвратом в сельское хозяйство отнятой обманом или силой земли до принятия Закона о земле.

– После чего ты в своем районе на сельском хозяйстве можешь поставить черный крест, – сказал Семин Косте. – И не только на нем, а и на всей флоре и фауне, о которой ты так печешься.

Костя тоже был уверен: если в России исчезнет крестьянин, исчезнет и она сама. А еще он твердо знал, что возрождение России, если оно состоится, начнется с глубинки, ядром которой является деревня, где еще теплится русский дух, не загаженный западным дерьмом.

И уж совсем не хотел Костя, чтобы был поставлен крест на неповторимой русской флоре и фауне, за что погиб Федор Николаевич.

Перед отъездом Семин помог ему подготовить распоряжение по восстановлению сельского хозяйства в районе. Суть его состояла в том, что сельскохозяйственная земля должна использоваться по прямому назначению и владеть ею должны те, кто на ней живет и обрабатывает ее. А так никто из новых землевладельцев не отвечал этим требованиям, то им надлежало либо начать им отвечать к концу месячного срока с даты распоряжения, либо вернуть землю прежним владельцам по цене закупки. Хозяевам коттеджей и особняков, не являвшихся владельцами используемой по назначению земли, было предложено переехать на постоянное место жительства в деревню и начать вести сельское хозяйство или продать дома муниципалитету в рассрочку.

Прощаясь, Семин задержал руку Кости, и его глаза увлажнились. Так ничего больше не сказав, он сел в машину.

Проведение ревизии Костя поручил Зимину и Трунову.

– Это, простите, для академика? – учтиво поинтересовался Зимин.

Костя подтвердил кивком головы.

Уже на следующий день Зимин принес готовые данные. Владельцев оказалось всего одиннадцать человек. Действительно, приблизительно две трети всей земли принадлежали поровну Пенкину и Стрыкину. Сам Зимин в числе владельцев земли не значился, а хозяевами его участков были указаны три незнакомые фамилии.

Поблагодарив за оперативно выполненную работу, Костя попросил показать документы, подтверждавшие собственность владельцев на землю.

– А это зачем Семину? – нахмурился Зимин.

Вместо ответа Костя протянул проект распоряжения. Читая текст, Зимин бледнел на глазах. Справившись с собой, он вежливо возразил:

– Боюсь, ничего из этой вашей экспроприации земли не получится. Распоряжение грубо нарушает неприкосновенность частной собственности и будет обжаловано всеми владельцами в суде.

– Это я учитываю. Что еще не так?

– Сейчас это утопия. Не то время и не та страна. Во-первых, никто не подчинится, а силой вы их не заставите. Во-вторых... ну вернете вы какой-нибудь старушке ее пай, она что, сможет свои гектары вспахать, посеять, убрать? Все повторится сначала. Если ей повезло, что не убили за тот пай, убьют за этот. И для вас лично это дело плохо кончится, потому что им обязательно займется Москва. Такие вольности она не допустит. Пенкин вам ни одного квадратного дюйма своей земли не отдаст. А если он не отдаст, то и другие не отдадут.

Я правильно понял, что назначать вас ответственным за проведение в жизнь этого распоряжения не имеет смысла?

Ну почему же? Как говорили когда-то, партия сказала надо, комсомол ответит есть. Вопрос можно?

– Можно.

– Распоряжение будет касаться принадлежавшей лично мне земли? Я тоже должен буду ее сдать?

Костя ожидал этого вопроса и был рад, что его услышал. Тогда с академиком они побывали на поле, принадлежавшем Зимину. Пятьсот гектаров он выкупил или арендовал у крестьян и пятьсот получил как фермер. На своих землях он выращивал, как и Стрыкин, кукурузу на масло. Посетили они деревню, крестьяне которой батрачили на Зимина за пять бутылок

масла в конце года. Его самого они ни разу не видели, так как за их работой наблюдали его надсмотрщики.

– Вас как моего зама это распоряжение должно касаться в первую очередь. Я надеюсь, вы станете примером для других. Я не буду возражать, если вы переедете в деревню и станете председателем колхоза или заведующим свиноводческой, либо птицеводческой фермы.

По лицу Зимина опять пробежала бледная волна.

– Вы меня увольняете?

– Нет. Вы можете остаться, если хотите, но вернув землю.

– А урожай собрать дадите?

– Это решат крестьяне.

Зимин усмехнулся, и в его глазах появилось выражение, не понравившееся Косте. Он сменил усмешку на учтивую улыбку.

– Хорошо, я согласен стать пионером в части возврата земли, но, если можно, без афиширования.

– Без афиширования не получится. Я попрошу вас разослать это распоряжение с уведомлением о получении всем новыми владельцами земель, а при разговоре с ними можете посоветовать им последовать вашему примеру. Может, найдутся добровольцы.

– Я могу сразу сказать, что добровольно никто вам землю не отдаст. Тем более Пенкин, о чем я уже говорил. С ним вы ничего не сделаете.

Трунов объяснил легкость, с какой Зимин согласился отдать землю, тем, что от оформления в собственность земель он заработал сумму, в сравнении с которой получаемый доход от кукурузы был мелочью. Плюс желание остаться замом. Мэры приходят и уходят, тем более исполняющие их обязанности, а замы остаются.

По просьбе Кости Есаков проделал большую работу, собрав материал практически по каждому крестьянину, лишившемуся своего земельного пая, а также по исчезнувшим и убитым крестьянам. Отыскал он и распространителей «фанфуриков». У одного из них была найдена расписка в получении денег от новых владельцев земель и отчет о закупке большой партии очистителей стекол для изготовления водки.

Ответы владельцев на распоряжение стали приходить к самому концу установленного в нем месячного срока. В них перечислялись документы, на основе которых была получена или выкуплена земля.

Не было ответа лишь от Пенкина, который больше всего интересовал Костю. С землей, принадлежавшей Стрыкину и бывшему руководству Лесков через подставных людей, особых проблем он не видел, а с Пенкиным они могли быть. Он попросил Зимина связаться с пивным магнатом по телефону и напомнить о распоряжении. Разговор он слушал по громкоговорителю:

– Ты насчет распоряжения вашего кретина мэра? А я думал, ты хочешь приехать и оттянуться, как в тот раз. А насчет распоряжения скажи этому идиоту, если он посягнет хоть на один сантиметр моей там земли или дотронется хотя бы до одного моего коттеджа, я ему оторву муде. Скажи, что это в лучшем случае. Ну, ты когда приедешь?

Похожие угрозы Костя уже слышал, правда, анонимные. Ему главное было довести распоряжение до сведения владельцев и предупредить о последствиях, чтобы после не было разговора о неожиданности. В распоряжении четко было сказано: «В случае невыполнения данного распоряжения к указанному сроку, возврат земли будет осуществлен насильственным путем, а строения подлежат сносу».

Неожиданно события ускорились.

На призыв Кости переехать в деревню первыми откликнулись уволенные в запас военные. Им он дал на выбор деревни, старостами которых и назначил, поручив провести ревизию всех строений и заняться устройством будущих новоселов. О том, что они будут, ему сообщали гонцы, разосланные в бывшие союзные республики.

В одной из деревень при проведении ревизии коттеджей Пенкина староста был зверски избит охранниками, после чего скончался. Узнав об этом, разъяренный Костя тут же приказал Платону сжечь коттедж, возле которого было совершено преступление, и сделать так, чтобы его охранники бесследно исчезли, что было и сделано.

На следующую ночь еще два коттеджа других хозяев в разных деревнях были подожжены неизвестными, как Костя предполагал, самими жителями деревень. Никто из охранников не пострадал, они пытались погасить огонь и просили помочь ротозевших жителей, но никто из них не пошевелился.

В ночь после похорон старосты была взорвана бензоколонка, против возведения которой давно протестовали жители близ лежавшей деревни.

Поджоги сделали одних владельцев уступчивее, другим придали решимость. Первые начали торговаться, заламывая за коттеджи немислимые цены, а вторые многократно усилили охрану и стали открыто угрожать Косте неприятностями с женой и детьми.

Все с нетерпением ожидали наступления указанного в распоряжении срока. За два дня до него Косте сообщили о прибытии в деревню новых охранников коттеджей и земель, а его самого неожиданно посетил без предупреждения сам Пенкин. Свой визит он наверняка согласовал с Зиминным, прибыв как раз к концу еженедельного совещания по понедельникам. Его сопровождали три телохранителя и адвокат. Охрана мэрии попыталась их не пропустить, но они прорвались. Остановил их Дима в приемной секретаря. С прибежавшей охраной он вышвырнул бы их на улицу, но их спас вышедший из кабинета Зимин. Разозлившийся Дима не только не впустил телохранителей в кабинет Кости, но и заставил их выйти в проходную. Их начальника пришлось выводить силой.

Войдя в кабинет, Пенкин, не поздоровавшись, подошел вплотную к столу Кости и закричал, глотая слова:

– Ты что себе, бля, позволяешь? Надоело сидеть в этом кресле? Я тебе помогу его освободить.

Он оказался среднего роста, полноватый, но не рыхлый. У него не было шеи, и плечи были приподняты, отчего казалось, что голова была впрессована в туловище, что подтверждала приплюснутая лысина, покрытая редким пушком волос.

Косте захотелось вышвырнуть этого наглеца в открытое окно. Он посмотрел на окно и поднялся с кресла.

Пенкин поймал его взгляд и непроизвольно отступил на два шага назад.

– Земля и лес – мои, и я волен распоряжаться ими по своему усмотрению, – продолжил он, сбавив на несколько тонов и облизывая толстые губы. – Все претензии, которые могут возникнуть, прошу предъявлять моему адвокату, который регулярно будет сюда приезжать. Дай ему свою визитку, – приказал Пенкин молодому небритому человеку килограммов под сто двадцать.

Тот подошел, переваливаясь с боку на бок, к столу и протянул Косте давно приготовленную визитку. Костя указал глазами на стол. Положив визитку, адвокат вернулся на место за спиной Пенкина.

Костя впервые видел перед собой живого нового хозяина русской земли, воплощавшего, на его взгляд, все худшее, что могло быть в человеке. Это, как нельзя лучше, отображала внеш-

ность Пенкина. Он казался Косте настолько омерзительным, что ему захотелось помочиться на его лысину.

Рука Пенкина дернулась и поднялась до груди, но он ее остановил и почесал подмышкой. Его гладко выбритое лицо пошло пятнами.

– Срок, указанный в моем распоряжении, истекает послезавтра, – предупредил Костя. – Если к этому времени ты не вернешь землю и не решишь вопрос с продажей коттеджей муниципалитету, земля будет считаться конфискованной, а коттеджи снесены. И особняк тоже.

Но Пенкин уже бежал к двери. Перед ней он остановился и, словно что-то вспомнив, обернулся. Направив на Костю, как пистолет, палец, он проговорил, срываясь на крик:

– Нет, бля, тебя не из кресла надо вышвыривать, а с этого света. Тебе здесь не место.

За ним протопал в дверь адвокат.

Зимин бросил взгляд на Костю, оскалил зубы, швырнул вниз руку, словно ударил козырной картой по столу, и выбежал.

Костя потянулся к лежавшей у телефона пачке сигарет, но вместо нее взял трубку. Набрав внутренний номер, он, как тогда, после налета на станкозавод, сказал:

– Быстро ко мне.

Дождавшись истечения месячного срока и поняв, что свое последнее слово владельцы земель и строений твердо высказали, Костя своим распоряжением узаконил возврат земель крестьянам, а земли умерших и исчезнувших бывших колхозников передал в распоряжение муниципалитета. Усадьбы, коттеджи, конюшни и бензоколонки подлежали сносу.

Что тут началось! Новых владельцев поддержал Золотов. Суд Лесков за один день был завален исками.

От поспешных действий его вновь предупредил губернатор области, до этого поддерживавший во всем.

Но Костя пошел ва-банк, несмотря на разгар выборной кампании, в которой выступал самостоятельно.

Подождав еще два дня, он принял личное участие в штурме и сносе бульдозерами особняка Пенкина. При этом он был в очередной раз ранен, правда, легко. Уже на следующий день владельцы коттеджей выстроили к нему очередь с предложениями о продаже и в спешном порядке начали вывозить имущество.

Желающие переехать на постоянное местожительство в деревню, помимо уволенных в запас военных, нашлись среди безработных жителей Лесков. Но и тех и других было мало и проблему возрождения сельского хозяйства они не решали. Тогда Костя послал гонцов в бывшие союзные республики с целью вербовки русских семей на переезд в Лески. Первыми через месяц приехали беженцы из Казахстана, дети целинников. Семьдесят восемь семей! Слезы радости на глазах были не только у приезжих, но и у Кости при виде начала возрождения русской деревни.

Потом стали прибывать беженцы из других союзных республик. Но пустых домов оставалось еще много, и Костя продолжал вербовать людей.

Всем приезжим он предоставлял вместе с землей стройматериал для ремонта брошенных домов и возведения новых.

Так как денег на покупку стройматериала у него в первое время не было, он использовал на его изготовление конфискованный ворованный лес. Если раньше его в Лесках приворачивали кустарно, как в пьесах Островского, то к концу 90-х годов незаконные вырубки ценной древесины велись уже в промышленных масштабах, как правило, с ведома подкупленных

работников лесничества. Не поставив их в известность, Костя силами охранников бюро «Щит и меч» и милиции устроил облаву по всему периметру района, представлявшего сплошной лесной массив. Они обнаружили прямо в лесу две лесопилки, десяток пилорам и даже гостиницу с баром и притоном для проституток. Было конфисковано со складов и на пойманных машинах готовых бревен, брусьев и досок для строительства несколько десятков домов. Конфискованные лесопилки, пилорамы, машины и бензопилы обеспечили работой не одну сотню людей, а главное, необходимым стройматериалом переселенцев.

Коттеджи Костя отдал учителям и врачам, среди которых был даже объявлен конкурс.

Продажа фанфуриков была запрещена по всему району. Как выяснилось, их завоз организовывали перекупщики земли. Запасов этого зелья в магазинах хватило бы на год, и по приказу Кости все они были уничтожены.

Глава вторая. Сквозь тернии

Жизнь налаживается

22-го сентября исполнилось четыре года со дня лесковской трагедии, прозванной народом справедливым возмездием. Помните жаркую дискуссию в СМИ, кто тот старик, которого прокуратура Лесков обвиняла в убийстве бывшего руководства города, преступник он или герой? Красноречивым ответом на этот вопрос жителей Лесков был сбор денег на памятник Ивану Спиридоновичу. Вероятно, суд учел это, если прокуратура города так и не смогла добиться объявления старика государственным преступником.

Все это время меня интересовало, поставят ли Ивану Спиридоновичу памятник. На его открытие я обязательно собиралась съездить. Но его не ставили, бандитские налеты и рэкет в Лесках прекратились, и у меня не было повода ехать туда в командировку.

Зато налеты и рэкет во всю продолжались в других городах, куда я и ездила.

Одна из таких командировок была в город Медвежск, оказавшийся в ста километрах от Лесков, куда меня позвало анонимное письмо о захвате там бизнеса путем подделки документов и шантажа с видимостью закона. Об этом новом бандитском переделе собственности я написала в статье «Осторожно: рейдеры».

Помимо рейдеров, в Медвежске по-прежнему в открытую хозяйничали рэкетеры. При обсуждении с предпринимателями и руководством города путей борьбы с этими бедствиями я не раз слышала фразу: «В Лески ни один рейдер и рэкетир не сунется. Там Верхов им быстро головы поотрывает. Нам бы его сюда хотя бы на неделю».

Мне было приятно слышать такой лестный отзыв о хорошо знакомом, почти родном мне человеке. Помните, я писала, как Костя Верхов помог лесковцам избавиться от банды Стрыкина? Я внимательно следила за его дальнейшей судьбой. Память к нему так и не вернулась, и он остался в Лесках. Тогда на похоронах Коли я улучила момент на поминках и спросила его, помнит ли он меня. Он окинул меня пристальным взглядом и вместо ответа, который я поняла без слов, поинтересовался, когда и где я его знала. Осторожно выяснив, что о Надиной трагедии он слышал, но почти ничего не знает, я попыталась, как можно мягче и с любовью рассказать ему, что знала. Но сделать мне это тогда не удалось, его куда-то увели и больше в тот раз мы не встретились.

Через полгода, узнав об очередном покушении на него, я отвезла ему в больницу повесть о его и Надиной трагичной любви, написанную моим дядей с моих слов. Повесть его взволновала, и он выразил желание посетить Надину могилу. В этом же году он приехал в Летный, где, кроме кладбища, я показала ему связанные с ним места. Разумеется, я сводила его к Ларисе и Жарову, которые живут в его квартире. В ней до сих пор одна из комнат считается его, и даже сохранились его вещи. Было больно смотреть, как он переживал оттого, что ничего и никого не вспомнил.

С тех пор мы не виделись, но интересующие меня сведения о жизни в Лесках я регулярно получала от Игоря Юрьева, теперь уже корреспондента местного телевидения.

Услышанные в Медвежске отзывы о Косте, теперь уже мэре Лесков, меня очень порадовали и заинтересовали как журналиста – криминалиста, и мне захотелось узнать поподробнее, как ему удалось избавиться от новой напасти в России, имея в виду рейдеров. И вообще было поучительно ознакомиться поосновательнее с тем, как обстояли дела в районе во время его правления, и как сложилась его личная жизнь.

Забегая вперед, скажу, что эта командировка мало что дала мне по работе, но как россиянка в увиденном и услышанном в Лесках я с радостью заметила совсем еще слабый лучик надежды на возрождение страны. Надеюсь, эта надежда передастся и вам.

Я не стала оповещать о своем приезде Костю, зная его занятость, а связалась с Игорем. Он с готовностью согласился меня встретить у Московской дороги. Подъехав к ней на попутке, он сел за руль моей машины и повез меня одному ему известными окольными дорогами, стараясь проехать, как можно больше деревень. Я уже сама заметила, что все дома в них были заселены. Для меня это было самым весомым доказательством возрождения деревни в Лесках. Всего лишь полчаса назад я мысленно возмущалась запустением деревень в соседнем районе.

Я попросила Игоря остановить машину у первого попавшегося дома, отделанного евровагонкой. Мы вошли в калитку и поздоровались с работавшими в огороде хозяевами лет сорока. Игорь, которого они с радостью узнали, представил меня. Я поинтересовалась, местные они или приезжие.

– А мы из Латвии, – охотно отозвалась хозяйка. Лицо у нее было совсем не деревенское: подкрашенные губы и в тени веки. На шее кокетливо был повязан розовый шарфик. – Ой, как мы рады, что нас здесь хорошо приняли. Смотрите, какой дом нам помогли отделать.

– Почему вы оттуда уехали? – посмотрела я на мужчину.

– Почему? – усмехнулся он. Он был гладко выбрит и без головного убора. Явно работал когда-то инженером или чиновником. – Да потому что мы русские. А там нас принуждали говорить по – латвийски. Язык, я вам скажу, во рту сломаешь. Даже нашу фамилию Васильев заставляли переделывать на Васильевас. Это же отец в гробу перевернется. Я так и не согласился. Дети стали отвыкать от родного языка. А здесь все свое, родное.

– Вы кем там работали?

– Я – в русском отделе книжного магазина, – ответила хозяйка. – Его сразу заменили английским, как только они отделились от нас, имея в виду Россию. Меня уволили, и я мыкалась, где придется. А он у меня был начальником отдела на насосном заводе. Когда его уволили из-за фамилии, он тоже поменял много работ. Денег совсем не стало.

– А здесь на что живете?

– Еда у нас почти вся своя с огорода, куры, корова есть. Никак не решимся поросенка завести. Мне не нравится, что они грязные очень. А деньги нам кооператив исправно платит. Мы его между собой по-прежнему колхозом называем. Я в нем заведую вновь открытой библиотекой. И муж нарасхват. Он у меня в механике силен.

– Дети в школе? Сколько их у вас?

– Трое. Два сына в Лесках на механизаторов учатся. А дочь здесь ходит в шестой класс. Все рядом. Метров через сто вы увидите и клуб, где я работаю, и школу.

Прощаясь, мы пожелали им успехов.

За деревней Игорь свернул в сторону и отвез меня на кроликоферму, где когда-то держали в заточении киллеров и рабов с отнятой памятью. Игорь там был свой, и нас встретили, как почетных гостей. А когда он сказал, что я знала Верхову почти что с детства, они не знали, как и чем мне угодить. Я попросила провести меня по ферме. Повел меня сам директор, бывший начальник рабского цеха по изготовлению кассет. Его отыскала жена, но он ее не вспомнил. Она забрала его домой в соседнюю область. Там у него оказались два пятнадцатилетних сына-близнеца, которые без отца совсем от рук отбились и начали подворовывать. Он и до своего исчезновения не имел постоянной работы, но тут повезло: устроился в мастерскую по изготовлению подсвечников. Узнав, что он без памяти, над ним стали подтрунивать и относиться, как к больному. Это отразилось и на зарплате. Он не вытерпел и через три месяца ушел. Съездил в Лески, встретился с Верховым, и тот предложил ему руководство фабрикой по изготовлению изделий народного промысла.

Мы прошли по цехам, где продолжали трудиться бывшие рабы, которых не отыскивали родные, а также инвалиды со всего района, в том числе слепые, и пенсионеры, пожелавшие

работать по полсмены. Увидела я и несколько китайцев и вьетнамцев, оставшихся в России. Они уже неплохо говорили по-русски. Двое из них женились на русских девушках и собирались отсюда уйти, чтобы заняться сельским хозяйством.

В каждом цехе мне преподносили подарки. Честно говоря, все они мне понравились: и валенки, и веник, и плетеные корзины, и женские украшения. Для вида я попробовала отказаться, но Игорь все отнес в машину.

Наибольший восторг вызвали у меня два кролика, которых на фабрике все-таки стали разводить и довольно много. Я представила, как обрадовался бы им мой семилетний сынишка, но где их держать? На балконе? Пришлось отказаться от такого милого подарка.

В одной деревне мое внимание привлек совершенно шикарный коттедж из кирпича кораллового цвета. Я поинтересовалась у Игоря, кому он принадлежал.

– Сейчас сами увидите, – загадочно ответил он, сворачивая к коттеджу.

Я обратила внимание на то, что вместо каменного забора коттедж был огорожен плотным кустарником. Игорь пояснил, что забор разобрали сами жильцы.

Дверь нам открыла, к моему удивлению, просто одетая старушка, которая, узнав, кто мы, радушно впустила нас внутрь. Она охотно рассказала, что в коттедже жили три семьи учителей школы. Нижний холл у них был общий с большим телевизором, книжными полками, диваном и креслами. Третий холл занимал детский уголок. И очень много было цветов. Две квартиры находились на втором этаже и одна наверху. Там же был спортивный зал с бильярдом.

Скажу вам без ложной скромности: я бы хотела пожить в таком доме хотя бы недолго.

Больше мы не останавливались, потому что картина мне была ясна: деревню Верхов в Лесках, можно сказать, возродил. Ни о какой бедности в ней речь уже не шла.

С городом, я была уверена, дела обстояли сложнее. И не ошиблась. И в то же время ошиблась.

Нормализацию городской жизни Костя начал с восстановления станкозавода, без которого нельзя было представить жизнь города и окрестности. Еще не будучи мэром, он спас завод от рейдеров. Мои попытки выяснить у него и Хохлова подробности того захвата, а главное, освобождения ничего не дали. Оба сказали, что сами узнали обо всем только после исчезновения директора станкозавода и юриста, отправившихся в Москву за правдой. А рейдеры будто бы покинули завод сами, испугавшись обвинения их в убийстве исчезнувших. Поверить в это было трудно, и мне оставалось лишь гадать о весомых причинах, заставлявших Костю не похвастаться победой над рейдерами, а хранить упорное молчание. И я перестала допытываться. Для меня было важно, что станкозавод был спасен. Сейчас он сам оказывает мэру Верхову большую материальную помощь, взяв на себя основную социальную долю бюджета Лесков.

В Лесках также восстановлены и пущены в эксплуатацию практически все старые предприятия, что дало работу не одной тысяче людей.

Особой заботой Кости были дети. Им он вернул два бывших пионерлагеря, отняв их у коммерсантов и переоборудовав в детские интернаты. Сначала детей отлавливали и привозили силой. Сейчас они сами стали приходить и просят оставить их здесь. У большинства из них живы родители, которые либо пьют, либо не в состоянии их прокормить и одеть. Ни один ребенок в Лесках в настоящее время не оставлен без внимания.

Но денег у него на социальные цели хронически не хватало. То, что выделяло государство, – были крохи. У большинства же местных предпринимателей напрочь отсутствовало чувство благотворительности. Кроме директора станкозавода Хохлова, но мешок у него не бездонный. Главным финансистом первое время было бюро «Щит и меч». Но вскоре директора

фирм и предприятий, успевшие позабыть, как выглядят бандиты и рэкетиры, стали дружно отказываться от услуг бюро. Безработными, однако, охранники не остались. С возрождением деревни там объявились рэкетиры и воры сельхозпродукции, скота, птицы и урожая с полей, чего раньше никогда не было, и охранники были переброшены туда. Основная же масса была направлена на охрану леса – основного богатства Лесков. Зарплата зависела от стоимости конфискованного леса. Но вскоре платить зарплату охранникам стало нечем, так как количество браконьеров в лесах резко сократилось, что привело к уменьшению выручки от конфискованного леса.

На этот раз услугу Косте оказали вновь объявившиеся в городе рейдеры. Сразу у двух фирм неожиданно поменялись владельцы, и офисы фирм были захвачены приехавшими из Москвы и других городов вооруженными людьми. Выгнанные директора со слезами на глазах обратились за помощью к Косте, зная, что у него уже был опыт спасения станкозавода от подобного захвата.

Новые рейдеры, видно, учли тот неудачный опыт и привезли с собой помимо адвокатов и юристов несколько полковников и подполковников милиции. Директора в один голос клялись Косте, что никакие сделки по продаже фирм и офиса они не совершали, и привезенные бумаги с настоящими печатями и своими подписями увидели впервые. Костя попытался проверить подлинность документов у приехавших работников милиции, но те ему их показали лишь на расстоянии через стекло. Ни в один захваченный офис его не пустили. Приезжие адвокаты и юристы настаивали, чтобы недовольные директора подавали на них жалобы в московские суды, где у них наверняка были свои люди.

Костя успокоил директоров, велел им идти домой и явиться на работу утром пораньше, чтобы навести былой порядок. Они явились и увидели у проходной своих прежних охранников. Никого из новых хозяев в офисе не было, лишь некоторые следы говорили о том, что ушли они не добровольно.

Что было ночью и куда подевались рейдеры, допытываться директора не стали, но никаких исков не последовало, и больше рейдеры в Лесках не появлялись, однако кое-где стали опять объявляться бандиты и рэкетиры. Директора с виноватым видом начали восстанавливать контракты с бюро «Щит и меч». На этот раз Костя велел руководителю бюро существенно повысить плату за охрану. Деваться директорам было некуда, и они согласились.

Но вскоре отношения с директорами опять натянулись, когда Костя потребовал от них освобождения занятых ими зданий школ, пионерлагерей и детских садов. В городе, где были рады появлению каждого ребенка, не осталось муниципальных яслей и детсадов, а из пяти школ в советское время остались всего лишь две. Ни один пионерлагерь не работал. Костя считал, что если директора имеют деньги на строительство трехэтажных особняков и покупку «мерседесов», то найдут их на строительство офисов, тем более что землю он им выделял почти бесплатно.

В этом учебном году в городе возобновила работу новая школа и открылись один муниципальный детсад и один пионерлагерь. К новому году должны заработать двое яслей.

К радости интеллигенции города начата реставрация здания драмтеатра. Новый год намечен показ традиционного для него спектакля «Лес» Островского.

Практически во всех заселенных деревнях также возобновили работу школы, некоторые на десять – двадцать учеников.

Жизнь в Лесках постепенно налаживается, и все понимают, что происходит это в основном благодаря стараниям мэра Верхова. Многим, однако, это не по нраву, и его называют то динозавром, то последним из могикан, а то просто чокнутым. Последнее высказывание я услышала от работника мэрии, попросившего не называть его фамилию. Дал он и пояснение: Верхов не берет взяток и живет на одну официальную зарплату. Ездит на допотопной «Волге»,

которой давно место на свалке. Третью работников мэрии уволил за коррупцию и взятки. Своего зама заставил добровольно вернуть крестьянам колхозную землю и продать за бесценок муниципалитету коттедж.

Действительно, за что такого любить? А мне Костя безумно нравится. Больше бы нам таких «чокнутых», тогда глядишь, и появится надежда на то, что вся Россия когда-нибудь вновь оживет.

К счастью, нравится он не только мне. Я-то его знаю с юных лет, и для меня он является идеалом современного политика России и ее гражданина (сейчас, правда, даже нет такого понятия). Тем не менее, таковым его считает также большинство лесковцев и другого мэра они у себя не видят.

Да, насчет памятника Ивану Спиридоновичу. Его героическому старику не поставили потому, что родственники убитых им отцов города подняли страшный крик и пригрозили обязательно взорвать его даже, если он будет установлен на кладбище. А там его ставить лесковцы не захотели, надеясь, что старик все-таки жив. Надеюсь на это и я.

*Нина Кузина
«Криминал»
23 сентября 2003 г.*

– Тебе самому место на свалке, – обиделся Костя за Коляберды, откладывая газету на заднее сиденье машины. – А Нина – молодец, суть правильно ухватила. Оживет Россия, без поддонка Ельцина обязательно оживет.

К Нине, этой привлекательной женщине с материнскими глазами, знавшую его по Летному, Костя относился с внутренним трепетом и волнением. При виде ее, перед его глазами всегда возникало лицо Нади на могильной фотографии. А когда стоял у ее могилы и смотрел на фотографию, ему на миг даже показалось, что он вспомнил ее живую.

В Летный его свозила Нина. Желание туда съездить у него возникло после прочтения книги о Наде и о нем. Ни одну книгу он не читал с таким интересом и волнением. Иногда он отрывался от нее и пытался вспомнить, что было дальше, но кроме пустоты ничего не видел.

В Лесках Нина познакомила его с женщиной, жившей в его квартире. Увидев его, Лариса, так звали женщину, заплакала от радости. Вскоре прибежал ее муж, тот самый майор милиции Жаров, который так понравился Косте по книге, и тоже был очень рад встрече. Они показали ему его комнату, где сохранилось все, как было при нем, лишь над письменным столом на стене были повешены две фотографии: его родителей, его с Надей и ее убитых родителей. Сейчас в комнате жила их семилетняя дочь, но ему сказали, что он в любое время может приехать и здесь жить.

Когда они вдвоем вышли покурить на лоджию, Жаров, глядя Косте в глаза, спросил:

– Сауну в Лесках ты поджег?

Не отводя взгляда, Костя ответил:

– Я.

– Я так и думал. Здесь из девяти преступников ты отправил на тот свет пятерых, не убив никого. Там ведь ты тоже никого из них не застрелил, верно?

– Не считая приглашенного ими авторитета, выхватившего пистолет.

Жаров о чем-то задумался, затем проговорил с усмешкой:

– Можно сказать, что банда Стрыкина повторила участь здешних бандитов, а ты, если следовать библейскому выражению о кругах ада, за это время как бы прошел два круга. В круге первом ты побывал здесь и в круге втором – в Лесках. Ничего, выходит, не изменилось за эти

годы и думаю, вряд ли что изменится в лучшую сторону при этом строе. Я тебя не пугаю, но утверждать не берусь, что свои круги ада ты уже прошел.

– Я и не боюсь. Я ко всему готов. Вы лучше скажите, это вы спасли меня тогда от правосудия?

– Не я один. Тебя спасало все наше отделение, за исключением начальства. Но и ему было выгодно замять то дело, спасая честь мундира мэра. У нас в Лесках тоже этим были сильно озабочены. – Жаров помолчал и спросил с грустью в голосе. – Антона ты также не вспомнил?

– Нет. Я по книжке знаю, что он был мой друг.

– Чудесный был парнишка. Погиб в Чечне. Ты когда там воевал?

– В девяносто седьмом.

– А Антону перерезали горло в девяносто шестом. Хотели обратить в свою веру. Ты бы сходил к его матери, она будет рада тебя увидеть.

Но ей уже позвонила Лариса. Без слез Костя не мог вспоминать встречу с этой старенькой женщиной.

Больше он в Летном не был. Он сам не знал, почему не мог туда ездить. А приезду Нины в Лески всегда радовался и просил чаще приезжать. Но она была вся в работе. Вот и в этот раз заскочила на минутку и пристала, как репей, куда подевались рейдеры? Ей, видишь ли, это нужно знать для передачи другим, которые не знают, как бороться с этим бандитизмом. Ей, может, и надо, да не надо Золотову. Как только она ни пыталась его и других, так ничего и не узнала.

И никто никогда не узнает. А сами рейдеры, он был уверен, тоже будут молчать.

Костя опять пробежал глазами статью Кузиной.

– Вы, Константин Алексеевич, на этого своего работника насчет свалки не обижайтесь, – повернул к нему голову Толя. – Он хотел облить вас грязью, а получилось, как в анекдоте про Машку: «Она тебе дала? – Нет, не дала. – И мне не дала. Вот, блядь». А вот за Коляберды я бы ему морду набил, знать бы кому. Никакой он у нас не допотопный. Сколько раз нас выручал. Я его ни на какие иномарки не променяю.

Тут Толя слегка льстил Косте, зная его любовь к Коляберды. Но в чем его не упрекнешь, так это в том, что он ухаживал за машиной, как за своей. Дима и Женя тоже не роптали: машина легко поддавалась проверке, так как внизу у нее все было видно, как на ладони, муха не спрячется. Еще они по опыту знали, что даже взрывы для Коляберды нипочем.

Другое дело, что в целях безопасности Кости ребята заставляли его периодически пересаживаться в другие машины, путая следы. Иномарки безусловно были красивее и удобнее и удовольствие от езды доставляли больше, но все они были не родные, как любовницы. А Коляберды оставался женой и, как верная жена, никогда не подводил.

Сравнение с женой слегка смутило Костю. Смотря с какой, поправил он себя. Его первая супруга Алла явно не подходила не только на роль верной жены, но и матери. Как отец и предполагал, предложение обменять сына на полдома ее нисколько не смутило. Свою роль здесь, правда, сыграло то, что в то время Михаил увольнялся из военкомата, в чем Алла обвинила Костю, отнявшего у него служебный пистолет. На самом деле причиной увольнения была взятка за освобождение от призыва, о которой стало известно военкому. Как выяснилось, этим делом Михаил занимался давно, и потеря пистолета лишь послужила толчком к увольнению. Его поставили перед выбором: либо суд, либо отставка. Он, разумеется, выбрал второе, боясь, что на суде могла вскрыться его связь с лесковским делом. Отставка сопровождалась выселением из казенного дома. С женой он развелся, отдав ей недостроенную виллу. Так, что предложение об обмене сына на полдома оказалось очень кстати, тем более что вместо полдома Костя

дал наличные. Алла даже не стала дожидаться родов и, получив деньги, сразу уехала в неизвестном направлении. Костя подозревал, что на столь скоропалительном решении настоял Михаил, узнав о смерти военкома Лесков и испугавшись, что эта участь могла постичь и его.

Сына Костя оставил у Анны Константиновны и регулярно навещал их. Отец из больницы тоже переехал к ней, узнав, что Костя вернется не скоро. В его глазах читался немой вопрос: «Почему?» и «Когда?», но спросить он не решился, видя, что родным для сына так и не стал. Не интересовался он и чем Костя занимается, видно, подозревая в чем-то нехорошем, глядя на всегда сопровождавших его Диму с Женей, но братья сами ему все прояснили, несказанно его порадовав. Выросшие без отца они оказались умельцами по хозяйству и в каждый приезд что-то переделывали в доме: то вырыли во дворе колодец и провели в дом воду, то обили его вагонкой, то привезли обогреватели и соорудили кабины для душа и биотуалета.

Эти переделки ребят натолкнули Костю, жившего вместе с Сашей в помещении бюро «Щит и меч», на постройку дома на месте старого Колиного, разумеется, с согласия Кати и ожидавшей Колиного ребенка Оли. Они обе, не сговариваясь, высказали желание, чтобы дом внешне походил на прежний, что значительно ускорило строительство из-за использования старого фундамента. К лету дом был готов, но вместе с Костей в нем поселились Катя с дочерью Любушкой и еще не родившая Оля. В первый же день они стали настаивать, чтобы Костя привез к ним Вадика, что тот и сделал. Отец и тетя этому даже обрадовались, надеясь, что Костя обзаведется семьей, и Вадик будет с отцом, по которому сильно скучал. Да и тяжело им, старикам, было ухаживать за четырехлетним сорванцом.

С приездом сына и после рождения у Оли Николки Косте места в доме не нашлось, и он опять стал ночевать в основном в охранном бюро, хотя Катя предлагала ему свою квартиру. Он отказался, потому что люди, не знавшие, что она была для него, как сестра, могли не то подумать.

Но тут он начал исполнять обязанности мэра, и ему выделили казенную квартиру. Забрать туда сына он не решился, так как заниматься им ни у него и ни у Саши времени не было. К тому же он не был уверен, что Вадика с ними будет так же хорошо, как с Катей и Олей, ухаживавшими за ним, как за родным. Они тоже стали для него родными. Может, потому что Катя выглядела солиднее маленькой Оли, Вадик все чаще стал называть ее мамой. Это все и решило. Осень в том году наступила рано, и женщины вернулись домой. Костя в это время лежал в больнице после очередного покушения, и Катя взяла Вадика к себе домой. К ней пришел, выйдя из больницы, и Костя. Да так и остался. А через полтора года у них родился сын Федя.

Вспомнив о детях, Костя улыбнулся, и ему захотелось вернуться домой.

Такую жену, как Катя, верно, смиростивившись, подарила ему судьба в качестве компенсации того, что сама же с ним сотворила. Сейчас он уже не представлял свою жизнь без нее. Скорее всего, при его допотопных взглядах на женщин он так бы и мыкался один, несмотря на то, что женским вниманием не был обделен. Мужчина он был видный внешне и по положению, хотя сейчас трудно сказать, что в нем больше женщин привлекало. Опять же в силу его отсталости от времени дальше улыбок у него с ними долго не заходило.

С проститутками он органически не мог иметь дело, с замужними не связывался по принципиальным соображениям, считая это не порядочным по отношению к их мужьям, да и относился он к таким женщинам хуже, чем к проституткам, – как к блядам. Таковыми считал он и девушек, отдававшихся в первый вечер. А другие ему не встречались, потому что это вошло в моду и называлось не развратом и не блудом, как в памятные ему времена, а сексом или занятием любовью. Секс – ладно, слово чужое приبلудное, под ним понимать можно все, что угодно, в меру испорченности, а вот увязывать постель в первый вечер с любовью,

на взгляд Кости, было кощунством. Еще больше запутал и одновременно многое прояснил подслушанный им как-то диалог по телевизору. Телеведущая женской передачи спросила свою собеседницу, как у нее с любовью после всего пережитого. Та с сожалением покачала головой: «С любовью у меня сейчас напряженка, – и поспешила успокоить ведущую, – но с сексом у меня все в порядке».

У его собрата в брюках было аналогичное мнение о любви и сексе, и с одной девицей, выделявшейся внешностью и бойким умом, секс Костя все же поимел или, выражаясь по старому, «кинул ей палку». Его брат в брюках и девица были очень настойчивы. Он догадывался, что сейчас в этом деле порнореклама сделала всех мастерами, но девица оказалась, на его взгляд, профессоршей. Это и еще многое другое в ней ему не понравилось, и он ее оставил. Не осталась в долгу и она, поведав об их связи в местной газете под заголовком «Я имела секс с мэром», где красочно, явно не без посторонней помощи, описала, как он упорно добивался ее, строя из себя секс-гиганта, а оказался, мягко говоря, импотентом. От злости, что ничего не мог сделать, он ее всю искусал, бил, мастурбировал перед ней, но так и не смог возбудить свой член, удививший ее своим крохотным до неприличия размером. Естественно, такой он был ей не нужен, и она его бросила. Заканчивалась статья словами: «Не все золото, что блестит».

Особенно оскорбил его размер его собрата. Он вспомнил ее походку после первого их сокоупления, словно она пыталась удержаться между ног арбуз.

В момент опубликования заметки он еще не был женат на Кате и подозревал, что она ее прочла. Больше никого до нее у него не было. Но и того раза ему хватило надолго. В разгар его предвыборной компании заметка была не только еще не раз опубликована, но и сыграна в видеоролике с участием той самой девицы и здорово похожего на Костю парня с членом пятилетнего мальчика.

Удивительно, что мэром Костю все-таки избрали. Сам бы он за такого недоноска не проголосовал.

Если семейная жизнь его удовлетворяла и даже вернула ему понятие о счастье, то с жизнью страны дело обстояло гораздо хуже.

Его по-прежнему не оставляло чувство безвозвратно утерянных ценностей с распадом СССР, какое, вероятно, испытывает обрубленный войной калека или погорелец, потерявший вместе с домом семью. Работа мэром лишь усиливала это чувство. Ежедневно он сталкивался с проблемами, о которых когда-то лишь читал: нищетой населения, безработицей и вопиющим, не поддававшимся пониманию социальным неравенством. Их еще больше усиливали чисто русские изобретения в виде задержек выдачи зарплат и пенсий. Следствием этого стали неплатежи населения за отопление и электроэнергию, которую повсеместно стали отключать за неуплату.

Слушая по телевизору и читая в газетах ежедневно о беспросветной жизни при социализме, которую Костя хорошо помнил, он не мог не сравнивать ее с нынешней хваленной капиталистической.

Какую жизнь он помнил?

Первое, что приходило ему в голову: светлую и беззаботную. Ни тебе безработицы и нищеты, ни рэкетиоров и рейдеров, ни проституток и беспризорников, ни детской порнографии и продажи детей за границу, ни коррупции и лоббизма, ни МММ и ОПГ, ни исчезновения людей и вымирания народа, ни олигархов и киллеров. Что скрывать, случались убийства и раньше, но раз в год (а в Лесках так вообще за двадцать лет было всего одно), а не каждый день, как сейчас, причем такие, которые тогда невозможно было вообразить: чтобы внук убил

бабушку из-за пенсии, мать выбросила зимой в окно грудное дитя, а отец изнасиловал малолетнюю дочь. Такое впечатление, что у людей окончательно крыша съехала.

Были в России всегда грабители и воры, но их добычей не были целые заводы и отрасли считавшегося народным хозяйства. Обман и мошенничество тоже были, но на работу устраивались, зная, что зарплату выплатят обязательно, квартиры покупали без риска их не получить, деньги в банк клали, не боясь их потерять, еду покупали, не боясь отравиться, лекарства пили с уверенностью, что от них вылечишься, а не умрешь, на курорт ездили, зная, что тебя там ждут. Не было понятий фальшивых паспортов, дипломов, правительственных наград, да и поддельных денег тоже. Люди верили друг другу. Над железными дверями смеялись, так как они были ни к чему.

Все перечисленные выше и многие другие мерзости, которые можно пополнять до бесконечности, подарили России новоявленные капитализм, демократия и либеральные ценности, без устали восхваляемые на телевидении и в прессе. С еще большей неумимостью там обливала помоями жизнь при социализме. Но для Кости и миллионов людей социализм был и остается олицетворением общества всеобщего благоденствия, равенства и братства, когда человек человеку был друг и товарищ, иными словами, была полная противоположность тому, с чем он столкнулся в новой России, в которой люди вынуждены жить по законам джунглей, где выживает сильнейший, а применительно к людям еще и подлейший и наглеший. А так как эти качества не характерны для русского народа, если не сказать, глубоко ему противны, вот и начал он ускоренно вымирать, что вполне входило в планы демократов. Тот же Гайдар, в дополнение к подслушанной губернатором фразе о естественности вымирания народа во время преобразований, недавно с удовлетворением констатировал, что осталось не так долго ждать, когда вымрут последние слабаки, имея в виду стариков и людей, неприспособленных к бизнесу. Это же подтвердил и автор наглой аферы с ваучерами Чубайс своим вопросом: «Если мы не можем прокормить, то нужно ли нам столько народа?» И эта рыжая мразь вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, была назначена главой крупнейшей энергетической компании страны!

К сожалению, вымирали в основном не старики, — они пережили войну, нипочем им и эта напасть, — а от безысходности молодые, вот в чем беда.

Однако, не полагаясь на свои знания, ограниченные мировоззрением юноши и идеологией советского периода, Костя принялся упорно пополнять чтением и беседами с видными политиками и экономистами страны, а больше с простыми людьми, мнение которых было для него важнее всего, так как на их плечи легли основные тяготы происшедших в стране перемен. Если в книгах и прессе, а также политиками высказывались различные, порой прямо противоположные мнения о старой и новой жизни, то народ в этом вопросе был на редкость единомышлен, вспоминая с ностальгией о временах, когда медицина и образование были бесплатными, а за полученное от государства бесплатно жилье они платили крохи, когда по профсоюзным бесплатным путевкам они ездили в дома отдыха, а дети — в пионерлагеря, да и платные путевки были не в тягость любому кошельку. При средней зарплате в 150 рублей можно было пообедать в любой общественной столовой за 50 копеек. Это все равно, что если бы сейчас можно было наестся за 30 рублей, исходя из нынешней зарплаты. Смешно? Да на эти деньги сейчас не во всякий туалет пустят. И уж совсем в советское время не опустошали карман проезд на любом виде транспорта (3—5 копеек), почта и телефон (2 копейки), посещение кинотеатров и театров, включая Большой, самый дорогой билет в который стоил три с половиной. Автомобилисты до сих пор не могут забыть четырнадцать копеек за бензин, а пенсионеры — свои пенсии, от которых оставалось на гостинцы внукам, во всяком случае от голода они не умирали и не боялись, что их не на что будет похоронить. А главное, ни у кого не было страха за свою жизнь и жизнь детей. Молодежь была уверена, что после школы она при желании может посту-

пить бесплатно в бесплатный институт и сможет бесплатно учиться да еще получать стипендию, на которую можно худо – бедно прожить, а не поступит, так все равно без работы ни за что не станется. Даже сироты планировали свое будущее, зная, что государство о них и дальше позаботится и выведет в люди, как вывело оно Федора Николаевича и Любу.

Для Кости было важно, что все эти и многие другие блага народу дал именно социализм, а капитализм под давлением трудящихся был вынужден перенять и ввести у себя некоторые из них, например, восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска и пенсии. Длительность рабочего дня, два выходных в неделю и ежегодные отпуска были узаконены в СССР в соответствии с регламентированием труда, разработанным научными институтами, с учетом физиологических особенностей человека. Таких институтов ни в одной капиталистической стране, так же как и в нынешней демократической России днем с огнем не сыщешь.

И не удивительно, что, не успев возродиться в России, капитализм, пользуясь отсутствием в стране народной власти и профсоюзов, сразу отменил практически все социальные блага, включая тот же восьмичасовой рабочий день, выдавая зарплату в конвертах и не отчисляя ничего в пенсионный фонд или отчисляя для обмана крохи. Во всяком случае, до Кости ни на одной частной фирме Лесков советские блага не реализовывались. Добившись с боем их восстановления, Костя был уверен, что сплошь и рядом все осталось по-прежнему с согласия самих же работников, испытывавших постоянный страх потерять с трудом полученную работу и поэтому согласных на любые условия труда.

Костя считал, что перечисленные утерянные блага были вполне достаточны для безбедной и беззаботной жизни людей, составлявших абсолютное большинство населения страны, кого по праву называют народом. Как мэр он не мог даже мечтать, чтобы у лесковцев когда-нибудь возродились прежние условия жизни.

Он хорошо понимал, как больно нынешним старикам отвыкать от прежних благ, и старался вернуть хотя бы часть из них.

Всем пенсионерам и инвалидам он приподнял, насколько смог, пенсии, а пожелавшим работать дал возможность заняться посильным трудом. Им же он отдал два особняка, построенные якобы для представительских целей мэрии и гордумы. Пользовались же ими покойные мэр и спикер. Эти особняки Костя сохранил, так как они располагались не на берегу заповедного Живого озера, как четыре других, принадлежавших Стрыкину и остальным сгоревшим участникам сауны. Те своим распоряжением он сравнял с землей, а на их месте была посеяна рассада редкой растительности, уничтоженной хозяевами особняков.

Ну, и конечно, особой его заботой были дети. Им он вернул все детсады и бывшие пионерлагеря. И даже кое-что добавил. К примеру, детский оздоровительно-производственный интернат, куда он ехал на третью годовщину открытия и которым он очень гордился, считая его своим детищем.

В советское время на этом месте, вернее в этих корпусах был санаторий, в котором лечились бывшие фронтовики. После наступления в стране капитализма и свободы предпринимательства санаторий был мгновенно превращен в дом отдыха для богачей или, иными словами, в элитный бордель. Его владельцем стал некий Миленкин из Центрограда. Ему же принадлежал в трех километрах отсюда еще один дом отдыха, в котором раньше прочищали свои легкие шахтеры, а теперь развлекались умственно и физически отсталые родственники богачей, но почему-то с полноценными проститутками обоих полов.

К созданию интернатов для беспризорных детей, число которых в районе катастрофически возросло, Костю подтолкнул сельский учитель Павлов. Сухой и длинный, как жердь, он ворвался в кабинет Кости с требованием поехать с ним в деревню Рябиновка.

– Я вам там первоклассницу покажу, которая отказалась пить чай, потому что не знала, что это такое. Нет у ее родителей денег на чай, хлеб из отрубей пекут. А из соседней деревни близнецы в школу ходят по очереди, потому что у них только одна пара обуви. А какой-то российский миллиардер, я вчера вычитал, купил в Тихом океане необитаемый остров. Вот бы их всех, сволочей, сослать туда на каторгу. Да разве Путин их отпустит?

Павлов был единственным учителем школы на три деревни. Учил девять детей с первого по восьмой классы. Днем учил, а вечером бегал по больным детям, чтобы не отстали. У него также было несколько детей, находившихся в трудной жизненной ситуации и один умственно отсталый ребенок.

В деревню Рябиновка в тот раз Костя с Павловым не поехал, но уже при разговоре с ним надумал сделать из борделей Миленкина два детских интерната с производственными классами: один для беспризорников и второй, с учетом специфики второго заведения, в интернат для умственно отсталых детей, которых в районе стало больше, чем нормальных.

Он обзавелся документами, подтверждавшими незаконность захвата Миленкиным земельных участков с постройками за взятку работнику мэрии, и стал ожидать приезда Миленкина в любой санаторий, чтобы на месте предложить ему добровольно перепрофилировать оба дома отдыха в детские интернаты.

Ждать пришлось долго, так как у Миленкина таких санаториев было не меньше десятка в разных местах России. Наконец Косте донесли, что Миленкин, объявился в элитном борделе.

Предупреждать заранее о своем приезде Костя не стал, а Дима с Женей не дали охраннику у ворот никакой возможности сообщить шефу о приезде мэра, так что у Миленкина шансов к бегству не осталось. Разве что секретарю Костя разрешил доложить о себе, и то стоя за ее спиной.

Хозяин был явно растерян, но Костя не сразу раскрыл карты, намекнув даже на то, что хотел бы пристроить здесь одного своего знакомого. Когда Миленкин успокоился, Костя изложил ему идею перепрофилировать добровольно оба дома отдыха в детские интернаты, припомнив педагога Макаренко и про то, какие личности он воспитал из беспризорников.

Миленкин посмотрел на него, как на умалишенного и нагло ответил:

– Я как предприниматель больше заинтересован не в личностях, кого вы хотите сделать из этих недоносков, а в послушных рабах, чтобы легче управлять ими.

Он не знал, кому это сказал, или был уверен в своем могуществе денежного мешка. Поблудивший Костя перегнулся через столик, за которым они сидели, ухватил одной рукой за жидкие волосы, другой за подбородок нувориша и проговорил, задыхаясь от ярости:

– Рабом ты вряд ли станешь – откупишься, а вот клиентом дома инвалидов я тебя сделаю.

Перешагнув через столик, он поднял Миленкина и стал бить коленом по животу и поясице. Затем он подтащил его к креслу за рабочим столом и, приведя в чувство, сказал:

– Первую неделю будет больно, но потом пройдет, хотя напоминать о себе поясница будет до конца твоих дней. Но умрешь ты не от этого, а если надумаешь пожаловаться на меня или меня закажешь. Сейчас придет сюда человек, и ты официально передашь ему оба дома отдыха, после чего представишь его сотрудникам.

В кабинет вошли юрист с заготовленным договором передачи права собственности одному из сотрудников мэрии, этот самый сотрудник и нотариус. Вместе с ними вошел Володя толстый и встал у двери. Читая договор, Миленкин часто поглядывал на амбальную Володину фигуру. Впечатление усиливала обгоревшая Володина щека.

– А если не подпишу, потому что это незаконно? – спросил он, скривившись от боли.

– Оставлю тебя с ним наедине, – указал Костя на Володю, который покрутил для убедительности пудовыми кулаками.

Миленкин опять скривился и потянулся за ручкой.

Через неделю на Костю было совершена очередная попытка покушения. Он был уверен, что его заказал Миленкин, но никаких действий против него предпринимать не стал, учитывая его яко бы шефство над интернатами.

Павлов согласился стать директором обоих интернатов при условии, что заберет с собой туда всех учеников своей школы, которые стали его правой рукой. Получив корпуса и смету, он ни разу не обратился к Косте за помощью, все сделал и добыл сам. Его знали во всех детских и благотворительных фондах страны, и от него шарахались предприниматели, но кое-что тоже давали, чтобы отвязался.

Вот и сейчас, встретив Костю у ворот, директор первым делом поделился тем, что утром привез три бывших в употреблении компьютера.

– Знаете, кто расщедрился? Сроду не догадаетесь.

Костя не имел представления. Предприниматели относились к благотворительности, как к теще, которую приходилось терпеть, как бы ее ни ненавидели. Как не сыскать зятьев, которые любили бы тещу, как Костя покойницу Любу, так не было практически предпринимателей, щедрых на благотворительность.

– Ну и кто же?

– Ваш будущий конкурент на выборах. Сначала я хотел отказаться, но потом подумал: вы все равно победите, а компьютеры он со злости выбросит, – и взял их.

– Правильно сделали. Они работают?

– Сказал, работают. Думаю, не обманул. Он понимает, что я его опозорю, если они окажутся негодными.

Зал бы битком набит. Кроме детей, здесь были родственники и знакомые. Костю все знали и встретили аплодисментами. Павлов усадил его вместе с Толей и ребятами в первом ряду, и концерт начался. Наряду со здоровыми детьми в нем активно участвовали дети, которые три года назад не умели говорить и двигаться. Сейчас они читали стихи, пели и танцевали. Восхищение вызвала танцевальная пара на колясках. Глядя, как самоотверженно они кружились в вальсе, Костя забывал, что они делали это на колясках.

Покидая праздник, он невольно задавался вопросом, почему нельзя понастроить таких интернатов для всех детей России? У государства нет на это денег? Чушь собачья. У Кости тоже их не было. Зато они были у Миленкина. А таких миленикиных в стране найдется несколько тысяч, не считая олигархов, на деньги только одного из которых можно построить тысячу таких интернатов. И никто, кроме прозападных либералов, не сможет набраться наглости сказать, что это грабеж, а не возврат того, что выкрали у народа.

Глава третья. Над Лесками сгущаются тучи

Блокада Лесков

Поехать опять в Лески меня заставила развернувшаяся в последнее время в средствах массовой информации оголтелая травля мэра Верхова. Если раньше самым страшным обвинением в его адрес был его патриотизм, то сейчас, когда это понятие начали понемногу реабилитировать, как только Верхова не обзывают: и расистом, и националистом, и антисемитом, и вылезшим из помойки чудовищем прошлого, и врагом демократии и либерализма, и даже, что должно убивать наповал, Макаренко, но чаще всего киллером, учитывая его прошлое.

На этот раз поехала я в Лески не по заданию редакции «Криминала», а за свой счет в отпускное время. Что напишу и где опубликую и опубликую ли вообще, ничего этого я не знала. Но не поехать я не могла.

Лески меня встретили разгулявшимся бабьим летом. Уже успевшие померзнуть лесковцы опять разделись до маек, напоминая пятидесятилетнюю вдову, кинувшуюся в свой последний загул.

Это сравнение не покидало меня все время пребывания в Лесках, и вы поймете, почему.

Последний раз я была здесь четыре года назад, и, если помните, описала первые шаги Верхова по спасению лесковцев от вымирания, усмотрев в этом ростки возрождения России. Статья, как и следовало ожидать, осталась незамеченной властью, но не народом. Как мне рассказывал сам Верхов во время наших встреч в Москве, число пожелавших переехать в Лески из бывших союзных республик после опубликования моей статьи резко возросло, однако на их пути непреодолимой преградой встал закон о миграции, точнее его отсутствие. Люди были вынуждены приезжать неофициально, живя годами по советским паспортам и не получая от государства пенсий и детских пособий. В обход закона Верхов, как мог, им помогал. Даже в этом его сейчас обвиняют.

На следующий день после моего приезда в Лески, там проводилось совещание по сельскому хозяйству с участием губернатора Центрogradской области и глав районных и городских управ. На его проведении настояли руководители крестьянских хозяйств Лесков, чтобы донести до губернатора и других гостей свои беды. Верхов, узнав о моем приезде, пригласил меня на это совещание. Я, естественно, с радостью согласилась.

Мы встретили гостей на въезде в Лески ранним теплым утром и провезли их через весь район, так как местом проведения совещания специально был подобран самый дальний от Центрoграда колхоз, чтобы полнее показать гостям хозяйство.

Хвалиться Верхову было чем. Во дворах первой лесковской деревни уже во всю суеился по хозяйству народ. Проезжая затемно деревни других районов, гости не могли не видеть в них пустые дворы без света. А тут ни одного незаселенного дома, и строились новые, вылезавшие, как рубаха из брюк, за пределы деревень.

Первые четыре деревни относились к крупнейшей в районе молочной ферме. Помимо молока на ней изготавливали масло, сметану и йогурт. Гостей встретил заведующий Паршин, пятидесятилетний мужик в самом хорошем смысле слова: крепкий, как дуб, с коричневым от полевого загара крестьянским лицом. Он одним из первых откликнулся на призыв Верхова, приехав из Молдавии, где двадцать лет проработал председателем колхоза. С собой он привез еще семь семей, в том числе одну молдавскую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.